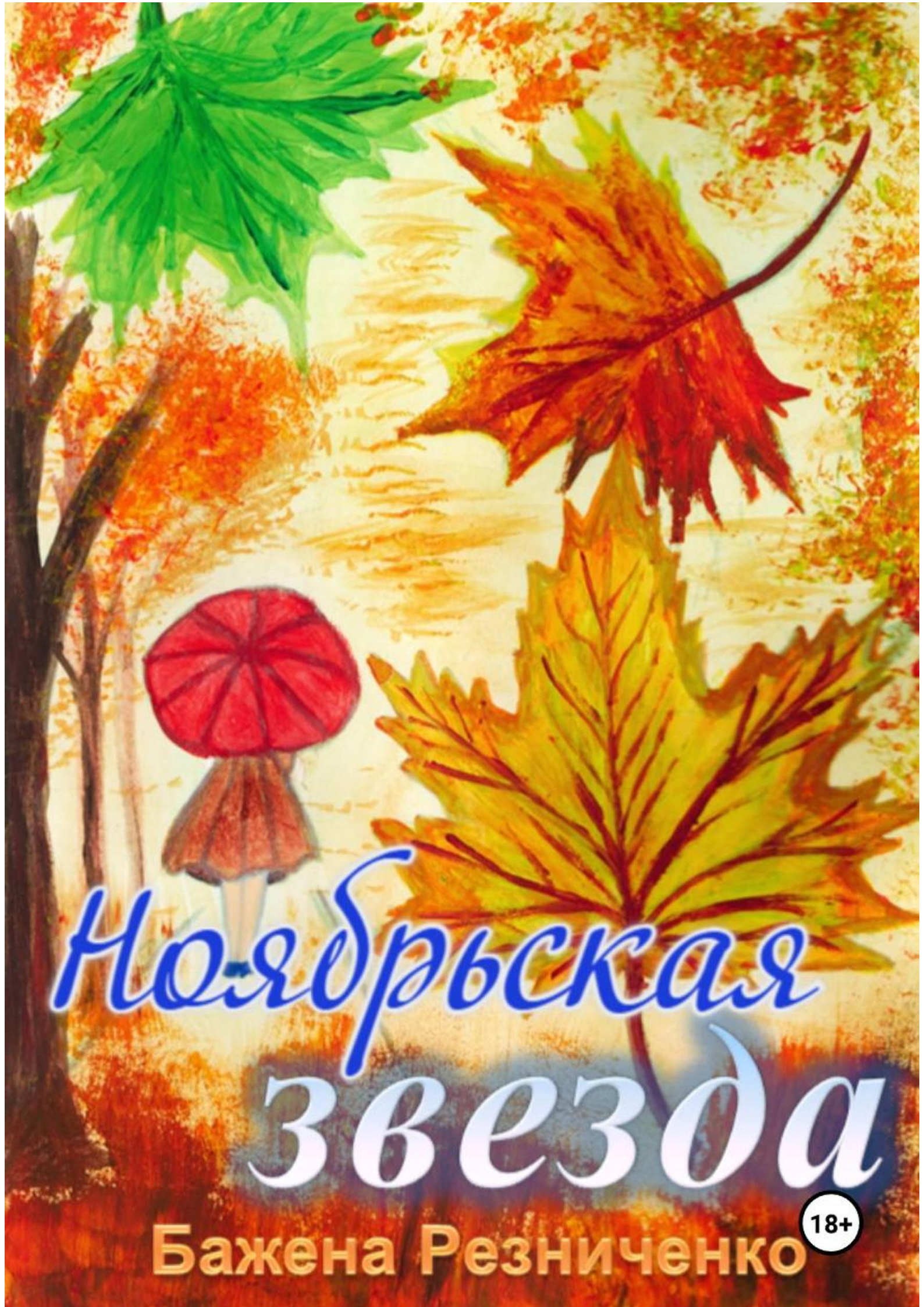

Ноябрьская звезда

Бажена Резниченко

18+

Бажена Резниченко

Ноябрьская звезда

«Автор»

2026

Резниченко Б.

Ноябрьская звезда / Б. Резниченко — «Автор», 2026

Молодая и амбициозная журналистка Лика и представить не могла, что проведет самую романтическую ночь в своей жизни в незнакомом провинциальном городе в статусе пленницы. Ночь, звезды, трогательный разговор с ее врагом. И все в жизни главной героини изменится после этой встречи. А начиналось все так буднично: командировка, статья о местном меценате и тоскливые пейзажи ноября, пропитанные пряным запахом осенней листвы

© Резниченко Б., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Идеальная ночь	5
Послесловие. Не зарекайся, милый друг	8
Глава 2. Командировка	11
Глава 3. Город чужих детей	19
Глава 4. Громкий	22
Глава 5. Рассвет	26
Глава 6. Новость	30
Глава 7. Отголоски прошлого	35
Глава 8. Главная улика	42
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Бажена Резниченко

Ноябрьская звезда

Глава 1. Идеальная ночь

Свет фар пронзил черную ночь, как стрела, – быстро и резко рассек морозный ноябрьский воздух и встретился со светом тусклого фонаря на краю улицы, который освещал следы позавчерашнего дождя.

Он шел быстро, перепрыгивая лужи, низко опустив голову, словно в этом одиноком свете фар его могли узнать. Для надежности он надвинул капюшон старой куртки.

Свет фар погас, и черная машина стала бесшумной и невидимой, слившись с чернотой ночи.

Дверца машины отворилась, едва он приблизился к ней. Неловко, осторожно, стесняясь своей простоты и забрызганных кроссовок, он сел в салон, в котором было темно и душно.

Он оказался рядом с мужчиной средних лет, детально рассматривавшим окно машины.

Это был важный человек. Все большие дела можно было решить только с его помощью. Важный человек для неважных, маленьких людей. В кругу высшей лиги он был ничего не значащим вторым, или третьим, или пятым звеном.

Важный человек, сидевший у окна, даже не повернулся.

Он начал говорить: тихо, неуверенно, взволнованно. Сначала – о хорошем, об успехах. Человек кивал и даже хвалил. Теперь и его похвалит начальство.

Затем – о будущем, грядущем. О намеченных планах.

Беседа подходила к концу, и следовало сообщить о явных проблемах. И не было бы это так страшно, если бы не касалось его единственных близких людей – друзей. Случились бы эти проблемы с чужими, незнакомыми – он бы уже все решил.

Человек выслушал, впервые повернулся и заговорил. Он тоже волновался, ведь сорвать дело означало упустить выгоду и показать себя непрофессионалом. А важный человек ни одного дела не провалил.

Все оказалось предельно ясным и понятным. Он хотел возразить, но и сам понимал опасность промедления. Важный человек протянул ему конверт, чтобы унять терзания молодого дилетанта.

Он выбрался из машины. Она мгновенно испарилась, и яркий свет фар исчез вместе с ней. Остались лишь тусклый фонарь и лужи, отражающие его свет. Через минуту и фонарь закончил свою службу: лампа сгорела.

Сегодня была идеальная ночь. После дождя – сыро, холодно, темно, малоллюдно. Идеальная ночь для преступления.

Дверь скрипнула. Здоровый, краснощекий мальчишка с рюкзаком за плечами весело махал, прощаясь. Он помахал в ответ. Тренировка закончилась, и ученик растворился за дверью в темноте. Мальчишка сегодня слишком долго копался и уходил последним. После его ухода спортивный зал опустел.

Он по-доброму завидовал этому мальчишке. Дома его ждали: бабушка заботливо покормит его, мама со всей строгостью проверит уроки, а дедушка будет защищать от ее нравоучений. Они у него есть, они живы, они рядом.

И сейчас, сам того не понимая, этот мальчишка – самый счастливый человек.

На стуле с газетой в руках сидел охранник Павлович.

В этой спортивной секции он работал уже третий год и неизменно у дверей дежурил Павлович.

Павлович, как обычно, пожаловался на жизнь, погоду, на дороговизну и на то, что нынешние кроссворды довольно скучные.

Он, улыбаясь, пожелал Павловичу спокойного дежурства. Тот что-то пробурчал и скрылся за газетой.

За дверью встречали потоки свежего воздуха и лужи, растянувшиеся как ядовитые змеи – они извивались параллельно с бордюром. Где-то фонари гасли, где-то вспыхивали, привлекая ночных бабочек.

Черным уже было закрашено все небо. Поздний вечер, полночь. Улица провожала на другую улицу, каждая была темнее и пустычнее предыдущей. Несколько угрюмых теней пронесли мимо, съезжившись под плащами. Поздняя осень во всей красе – холод и мрак, и это наводило еще большую тоску.

И все-таки он любил этот город. Вечную серость провинциальных городов – серый асфальт, серые дома, серые крыши – он не считал раздражающей. Серость, которая сводит с ума приезжих, была такой родной.

За неделю накопилось много дел. Он уже все распланировал. Самое главное – нужно было поговорить с другом, вразумить его. В голове крутились будущие планы, долгожданная встреча, уютный вечер у телевизора, друзья, работа, которая вне работы....

Посторонний шум вмешался в плавный ход его мыслей. Шаги: быстрые, но нерешительные, неловкие. Кто-то спешил.

Он решил не отвлекаться. Сколько таких бедолаг, работающих допоздна? И тоже спешат домой, и тоже жаждут встреч... И любящие семьи их ждут.

Еще один переулочек, и, наконец, он попадет домой.

Мысли о прошлом, о семье опять заволокли его сознание.

И все-таки он тоже был счастливым человеком, как и тот мальчишка. У него была семья – друзья и ученики, которых он тренировал. У него есть мечта и цели, а значит, есть и будущее. Ах, как же прекрасен этот мир с ледяным ветром, разбегающимися под ногами лужицами, домами серого цвета, разбитым фонарем.

Чьи-то шаги становились громче, человек сокращал расстояние, навязчиво петляя сзади. Он был очень близко, наступал на пятки.

Непонятное движение чужой руки заставило его обернуться. Он улыбнулся, узнав догнавшего человека, и удивился этой встрече. Человека здесь быть не должно было. Он был в смятении.

Рябь воды в луже подсвечивал единственный фонарь где-то в конце переулка. По луже одиноко проплывал осенний лист.

Миг. Блеск серебристого ножа. Несколько резких движений: он замер и упал рядом с лужей. Вода стала бордово-алой, капли крови, словно паутинка, расплелись по листу. Ключи с брелоком, которые он уже приготовил, выпали из руки. Серебристый медвежонок, сжимающий крошечный ключ, утонул в луже. Один миг. Мир померк.

Утреннее небо затянула серая сплошная пелена: то ли последствия прошедшего дождя, то ли угроза будущего.

Он бежал. По мокрой дорожке, укрытой опавшими листьями, по ноябрьским улицам, по пустым переулкам.

Уже две недели он вставал задолго до рассвета и бегал до изнеможения, до появления первых сонных людей, бредущих на работу.

В голове то и дело маячили картинки из прошлого, из детства. Двор детского дома, яркие зеленые деревья до небес. Много ребят вокруг – играющих, бегающих, добрых, злых, дружелюбных, завистливых. И врагов, и друзей.

И однажды нашелся и друг, и враг.

Верный друг, протянувший руку в беде. Однажды его защитил маленький мальчик от взрослых, самодовольных подростков, намеревавшихся забрать игрушку у более слабого. Такой же маленький ребенок, не побоялся, не отвернулся. Тот мальчик всегда был хранителем справедливости, творцом доброты, олицетворением мудрости в мире злом и бездушном. Тот мальчик был человеком.

Мальчик вырос и остался верным другом и справедливым человеком, храбрым и смелым. Друг научил проявлять милосердие, радоваться и верить, ценить жизнь. Он всегда улыбался тем, кем дорожил. Отныне только с фотографий...

Память, как кинолента, показывала все больше, все дальше. Счастливые моменты с друзьями. Радости встреч, горечь разлук...

Горечь разлук особенно тяжело ему далась. Прошло две недели с того тяжелого и бессмысленного дня. Дня, когда мальчика, хранившего доброту в своем сердце, не стало. Его убили. Просто и несправедливо: ночь, улица, фонарь и нож вместо аптеки.

Человек убил его лучшего друга. Разве можно назвать его человеком? Вероятно, у него были причины, мотивы, обида или месть, или еще что-то... Или это было случайное столкновение. Но друга не было.

А враг был. Незнакомый, безликий. Враг скрывался под черным капюшоном и бродил где-то неподалеку. Он всегда был в темноте. Как любой самый опасный зверь, охотился ночью. Ночь – это всегда время зла. Как было написано в самой знаменитой книге Артура Конан Дойла: «...в ночное время, когда силы зла властвуют безраздельно...».

Прошло две недели. Ничего не изменилось. Боль все так же жгла изнутри. Отчаянно хотелось вынырнуть, словно из толщи воды, с самого дна океана.

Единственной мечтой было вернуться в прошлое и остаться там. Но время продолжало бежать быстрее, чем он. Как жаль, что часы останавливаются, а время – никогда.

Он добежал. Рассвет. Хотя небо оставалось пасмурным, тучи одна за другой шли в беспрерывном караване. От ночи не осталось следа. Любая тьма не вечна. Ночь одолел день.

Одна из бесчисленных туч разорвалась и рассыпалась сотней мелких капель. Первые капли дождя сегодня. Небо плакало уже две недели с самого утра и до позднего вечера. И никто не знал, как прогнать дожди, если они ни света, ни тьмы не боятся...

Послесловие. Не зарекайся, милый друг

Он был самым счастливым ребенком на свете. В его жизни не было перемен.

В понедельник он корпел над математикой, самый трудный день – самый первый день, как первый лист, еще пустой и такой бесконечный и недостижимый. После уроков с радостью бежал не домой, а к друзьям. Во вторник ему приходилось вести младшую сестру, которую в семье по-свойски называли Люси, в музыкальную школу. И делал мальчишка это неохотно. Среда была посвящена уборке. В этот день брат с сестрой брали на себя все хозяйственные дела на себя, и, поскольку Люси была маленькой, дела, как правило, ложились на плечи старшего. В четверг он занимался английским пару часов. А потом допоздна проводил время в секции. И как же оно ему нравилось – это время! Он бы занимался два раза в неделю. И три. И все дни, которые предлагает календарь. Но секция была платной, и приходилось экономить, чтобы сестра тоже могла ходить... Вечера пятницы наполнены запахом фруктов, ароматом чая и шуршанием конфет. По субботам семья мальчишки ходила в гараж – ремонтировали, убрали, доставали еду из погреба. А по воскресеньям он разбирал груды домашних дел, которые накопились. Но это днем, а вечером вся его семья у искусственного камина, какой только возможен в квартире!, слушала, как Люси играет на скрипке.

Только эти дела занимали его, тягостные или радостные, нужные или пустяковые.

Перед вами – Матвей. Положительный герой, безусловно, с которым едва успели познакомиться и тут же расстались.

Его жизнь была счастливой, безоблачной. И то, что считалось проблемами, поистине было пылью, ничем. Но человек не додумывается до этого. Долгие годы он грызет себя, придумывая себе катастрофы, которых нет. Как жаль, что жизнь – такой жестокий учитель.

Многэтажка стояла в очень оживленном районе. Здесь были и магазины, и сады, и школы. И храм музыки, который посещала Люси, был поблизости. Во все эти места Матвея отпускали одного без опаски. К удивлению, спортивных секций здесь, где собралось так много домов и детей, не было. Самая близкая была за две улицы, за большим серым, невзрачным зданием, вокруг которого в два ряда возвышался забор. То ли тюрьма, то ли больница. Пусто было и даже страшно. И, наверное, поэтому Матвея никогда не отпускали одного. А он сопротивлялся, ведь взрослый человек! А ходит под руку с родителями.

- Как это неудобно! – пожаловалась женщина.

- Что неудобно?

- Что время твоей секции перенесли.

- Почему?

- На работе не будут рады, что я уйду так рано.

Они быстро шли вдоль улицы. Сын и мать.

- Ведь только по четвергам, – грустно вздохнул мальчик. – А хотелось бы чуть больше.

- Когда Люси станет хорошим музыкантом, она отблагодарит тебя за твою щедрость!

Непременно.

Женщина спешила и подгоняла сына, которому хотелось рассматривать улицы, дома, вглядываться в окна, крутить головой по сторонам. К тому же он тащил тяжелую сумку с одеждой, и бежать просто не было сил.

- Ты что, не торопишься на свою секцию?

- А что в этом здании?

Невзрачное здание по-прежнему наводило страх и ужас, словно над ним висела туча размером с океан, когда над другими – светило солнце.

- Не знаю. Давай, живее.

И они бы так и прошли, не разгадав секрет старого здания. Но вдруг во двор, на площадку, где были качели и какие-то железные прутья, торчащие из-под земли и изображающие подобие детских аттракционов, выбежали дети. Разные. За ними вышли две тонкие, как тростинки, женщины с каменными лицами.

Раньше Матвей их никогда не видел.

- Это детский сад! Ты не знала? Поэтому наша Люси ходит в другой сад?

- Не приведи Бог нашей Люси оказаться здесь, – тихо ответила женщина. – Это детский дом.

- Что это?

- Здесь живут дети, у которых нет родителей.

- А разве так бывает?

- По-всякому бывает.

Она с грустью взглянула в сторону, где играли дети. Такие же точно дети, как и те, что были на свободе, не отгороженные высоким забором как клеткой. Мальчик заметил, что кроме грусти было еще что-то. Он этого чувства не знал. Пренебрежение. Вольно или невольно – оно вспыхивало в глазах всех, проходящих мимо.

Один из жителей детского дома, мальчишка чуть младше Матвея, потерял мяч. Выпустил его. Он попал в самый угол, ударился о забор и рухнул в колючие кусты.

- Я помогу ему, я дотянусь! – закричал Матвей и подошел ближе к забору. Он видел безуспешные попытки достать мяч.

- Нет, ему помогут, – мать резко одернула сына.

На миг взгляды двух мальчишек пересеклись. И они оба застыли. А потом мальчишка за забором все-таки справился с мячом и убежал.

- Уходим, опоздаешь.

- Почему нельзя помочь?

- С этими детьми нельзя играть. У них есть свои правила, они там...

Она замялась и не знала, как объяснить.

- Они в тюрьме? Они что-то натворили? Не слушались, да? Уроки не выполняли? За что их туда?

И самым страшным было, пожалуй, то, что ответа не было. Они там просто так. Невинные. Ничего не сделали такого, чтобы получить эту меру наказания.

- Пообещай, обходить это здание.

- Почему же я раньше их не встречал?

- Дети играют по графику. Ты просто не попадал.

- Они живут по графику?

- Есть вещи, которые тебе сложно понять. Мы все живем по правилам. У тебя есть расписание в школе?

- И все-таки, мне кажется, я свободен. А они нет.

Они ушли. И не опоздали. А глаза мальчишки надолго остались в памяти Матвея.

Все изменилось. За год.

В то утро сына не взяли за покупками. Он получил двойку. Математика! Столько стараний – и безрезультатно! И в качестве наказания его оставили дома читать учебник, решать задачи. А Люси взяли с собой, и это означало, что ей купят то, на что она ткнет пальцем. Конечно, мальчик расстроился. А за окном стояла непогода, и все же... Хотелось поехать.

То утро он будет вспоминать еще очень долго. Они все не возвращались и не возвращались. Под вечер страхи одолевали мальчика. Он сходил к соседке, попросил о помощи. Она позвонила кому-то и помрачнела. Тогда он расплакался впервые за всю жизнь.

А следующее утро перевернуло его мир. Он уехал из своей родной квартиры. Навсегда. Он стал заложником безликого дома. Невзрачного дома, в котором все жили по графику, в который он никогда не должен был попасть.

Не зарекайся, милый друг,
Сулят нам тысячи разлук,
Злые ветры....

Глава 2. Командировка

Солнце светило ярко и ослепительно, его мягкие и нежные лучи проникали сквозь окна, разливались по стенам офиса, щекотали цветы в тесных горшках. Солнце ноября. Оно уже не приносило тепла, а только свет, рассеивающийся по углам планеты.

Ли́ка быстро шла, прижимая папку к себе. Она работала несколько ночей: редактировала, писала, исправляла. Тетрадь, две ручки, упаковка черного чая с бергамотом стали жертвами ее творчества.

Но Ли́ка любила свою работу, свою профессию – любила писать по ночам.

А теперь ей хотелось показать, поскорее отдать эти статьи, выпустить их в свет.

Ли́ка проходила мимо зеркала в красивой золотой раме, которое давным-давно установили недалеко от кабинета шефа. Для его самолюбования, конечно.

Неосознанно она обернулась и посмотрела в отражение. Почти ангел смотрел на нее с другой стороны: глаза – голубые, чистые, большие, кожа такая светлая, незапятнанная массивным слоем косметики.

Ли́ка поправила прядь русых с золотыми переливами волос, стряхнула с широких рукавов вязаного свитера несколько пылинок и пошла дальше.

Дверь в кабинет главного редактора Марка была стеклянной, поэтому в нее никто не стучался. Все видели, есть ли начальник на месте, занят ли, работает или очаровывает очередную.

Очередная нависла над Марком: высокая красивая блондинка в переливающемся платье-мини. Она была так близка к нему, что ее длинные светлые волосы заслоняли их лица. Блондинка весело смеялась над его шутками.

Увлеченные разговором, они не заметили, как Ли́ка вошла, подошла ближе и положила папку на стол. Идиллия рассыпалась.

Марк подскочил, он был слегка растерян. Девушка плавно отстранилась, ослепительно улыбаясь. Появление Ли́ки ее ничуть не смутило.

Она была очень молодой и очень глупой, неспособной к мышлению. Таких девиц здесь было много, и каждый раз ревность острой стрелой пронзала Ли́ку.

- Марк Владиславович, я оставляю вам свой номер? Для сотрудничества, – сладко промурлыкала девушка. Она оставила свою визитку и гордо прошла мимо Ли́ки.

- Конечно, Лилия Степановна. Мы это еще обсудим, – Марк прокашлялся.

- Просто Лиличка, - она подмигнула Марку.

Лиличка выплыла из кабинета после дюжины извинений Марка.

- Ты не вовремя. Мы обсуждали... Важные шаги по развитию журнала. – Марк, застигнутый врасплох, решил принять тактику нападения. – Она наш деловой партнер.

Он добавил, что врываться в кабинет – тон дурной. В кабинете дела первейшей важности решаются.

- Все наши партнеры устраиваются на твоём столе? Для прочности сотрудничества, я так понимаю? – съязвила Ли́ка.

Марк присел на край своего стола, Ли́ка устроилась в кресле напротив. Он вздохнул и посмотрел на Ли́ку грустно: перед ней надо объясниться.

- Твоя ревность абсолютно неуместна. Эта девушка – дочь владельца крупной компании. Она могла познакомить меня с нужными людьми. А ты сорвала наши переговоры.

- Мне кажется, это свидание, а не переговоры.

Марк очаровательно улыбнулся. Он заверил, что все, что было в стенах кабинета – исключительно для общего дела, для успеха и процветания журнала, для их совместной мечты.

- Ты так говоришь, потому что не думаешь о судьбе журнала, – заявил он. – А я быюсь изо всех сил, чтоб наш журнал из неизвестного и перспективного стал модным и популярным. Чобы нас читали, чтоб о нас говорили, хвалили.

- Я не думаю о журнале. Я работаю.

Марк встал, подошел к Лике и обнял ее за плечи.

Быть вежливым и виноватым перед Ликой его вынуждали долгие, тягучие, бесперспективные отношения с ней. Они познакомились во время учебы. У него имелся серенький журнальчик, глотавший глупые сплетни о тех, о ком никто не знает. У Лики был талант писать и много идей. Именно она придумала концепцию журнала. Журнал стал более известным. Марк вошел в круг тех, кто входит в круг богатых и знаменитых. А Лика так и осталась за его спиной.

Лика выслушала монолог Марка о необходимости сотрудничества любыми путями с такими красавицами, как Лилия, и рассказала о своей работе – не такой занимательной, как сотрудничество, но первостепенной для журнала.

- Лика, у тебя много работы. Поэтому ты срываешься. Нужно расслабиться.

Марк понял, что Лика помешает ему завоевать сердце Лили – красивой и наивной. Ревность Лики и ее острые фразы могли нарушить его личные планы.

У него был свой козырь: длительная поездка в глушь – беспросветную и забытую. Она предназначалась лентяю Жорику, но чего не сделаешь ради большой любви и маленьких страстей.

- Решено! – воскликнул он. – Ты поедешь в Витево (*название выдуманно автором*). В командировку. Чудесный городок, вдали от суеты...

Лика удивленно подняла глаза.

- А Жорик?

- Вместо Жорика. Отдохнешь, погуляешь, согласишь мир.

- Ты в ссылку меня отправляешь? – догадалась Лика.

- Ну что ты, – отмахнулся Марк. – Возьмешь интервью у местного олигарха, согласишь ему оду. Торжественную.

Он весело засмеялся. Писать там было о чем: о спортзалах и школах, о магазинах, о благочестивом покровителе города – Викторе Леопольдовиче.

Марк уверял Лик, что командировка – это прекрасная возможность показать свой профессионализм.

- Если я ему спою, все, что напишут о нашем журнале – некролог.

- Уже шутишь!

- А ты? Шутишь?

Марк посерьезнел.

- Лика, это мой приказ как главного редактора. Тебе нужно успокоиться, подумать. Твоя ревность – угроза нашему журналу и отношениям нашим тоже...

Лика понимала, что командировка была придумана Марком для того, чтобы она не мешала налаживать сотрудничество с Лиличкой.

Она встала.

- Разве они есть? Отношения...

- Конечно!

- Ты поедешь с нами к тете Лиде?

- Лика, – Марк вздохнул. Он так не любил эти поездки. Ее брат вечно допытывался, когда молодой человек женится на Лике, а он не считал нужным связывать себя этими оковами. – Много дел.

Лика молча кивнула и подошла к двери.

- Жду тебя! С чистой головой и выполненным заданием. Вернешься совсем другой Ликой.

Марк выпроводил Лику и захлопнул дверь, радуясь, что все так прекрасно складывается.

Всеми административно-управленческими и организационными делами в журнале руководила Елисея Павловна – чудесная, умная женщина с острым чувством юмора и колким языком. Ее уважали, беспрекословно слушали и немного побаивались.

Она всегда была в белоснежном сверху, черном снизу, как символ строгости и порядка. И лишь нежные шарфы, прикрывающие шею, слегка разбавляли этот школьный стиль. Ее волосы непонятного цвета – черного или баклажанного, с отметинами седины, – были всегда собраны в тугой пучок так, что ни одна волосинка не выбивалась.

Елисея Павловна поливала цветы в горшках. Все два подоконника в ее кабинете были заставлены горшками с растениями: высокими и низкими, густыми, как заросли в джунглях, и одинокими, как кактусы. Одни растения были с сочно-зелеными листьями с желтыми прожилками, другие – с темными, почти черными. Редко-редко в этой зеленой феерии встречались яркие цветы, оттеняющие зелень.

Она обернулась, услышав стук двери.

- Лика? Проходите.

В этот кабинет все входили, только предварительно постучав. Лика вошла и села в одно из кресел. В этом кабинете было много старомодных кресел, которые окружали такой же старомодный дубовый стол. Здесь проводилось большинство планерок, совещаний, и просто Елисея Павловна любила кого-то вызвать и отчитать. Марк часто растворялся в череде серых будней и передавал все руководящие полномочия этой женщине.

- Мне позвонил Марк и все сказал. Я вас проинструктирую.

Она оставила лейку и вернулась к своему столу, на котором царил идеальный порядок. Она взяла одну из папок и открыла ее.

- Если честно, я очень удивилась этому решению, – призналась Елисея Павловна.

«А как я удивилась!» – подумала Лика, но промолчала.

Елисея Павловна посмотрела поверх своих очков на Лику и заметила, что она расстроена. Причина была очевидна – Марк. Елисея Павловна всегда была против служебных романов. Не отдавая явного предпочтения ни Марку, ни Лике, она все же считала, что девочка достойна большего, чем этот любитель женщин, о похождениях которого знали все.

- Жорик был утвержден для этой командировки, – продолжила она.

- Он теперь будет злиться на меня? – спросила Лика.

Жорик был одним из рядовых журналистов, которому мало что доверяли. Он писал о гороскопах, ездил на ярмарку меда, отвечал на письма читателей. Для журнала больше был ценен его бесспорный талант в компьютерной сфере: он был гением техники.

- Не думаю, – строгий взгляд Елисеи Павловны растаял, она усмехнулась. – Наш Жорик – лентяй. Меня всегда поражало: как он очутился среди журналистов, среди творцов, мыслителей, филологов, корифеев прозы...

Да, она посвятила литературе больше сорока лет.... Прочла все, что было на полках, отредактировала тысячи текстов. В более юные годы имела возможность встречаться с именитыми авторами.

Слушая ее рассказы, Лике часто казалось, что она встречалась с авторами не только советской эпохи, но и предыдущей.

- Вы высоко оцениваете наш журнал.

- При чем здесь журнал? – Елисея Павловна не признавала современные журналы как продукт творчества. Есть только книги. Но издательство, которому она отдала молодые годы жизни и саму душу, закрыли. Ей пришлось довольствоваться малым – журналом, перебирающим слухами и перепаривающим чужие истории.

- А Жорика переманили?

- Его рассказы напечатали в популярном Интернет-издании, - пояснила она с негодованием. - Просто плевок в душу филолога. То есть в мою. Я бы его дальше парадной филфака не пустила бы!

Поправив газовый нежно-голубой шарф на шее, завязанный в детский бант, она принялась изучать содержимое папки, которую держала в руках.

- Что там с командировкой? - напомнила Лика. - Гостиница в стиле рококо?

Елисея Павловна всегда говорила фразу «в стиле рококо», когда речь шла о чем-то несурьезном, неправильном, абсурдном. Например, когда в статье было слишком много запятых или одинаковых слов, или бессмысленных художественных приемов. Видимо, не любила она рококо.

- Отправление в девять утра. Билет на автобус. - Елисея Павловна протянула клочок желтой тонкой бумаги.

- Ого, все предусмотрено.

- Гостиницу найдете легко, она там единственная. Встреча с Виктором Леопольдовичем с громогласной фамилией Громкий уже оговорена и запланирована. И экскурсия, конечно. - Елисея Павловна протянула несколько листочков: карту города и досье на бизнесмена. - Достопримечательности - торговый центр, спортивная школа, музей - биологический. Все это построено на деньги мецената, поэтому следует упомянуть в статье. И яркие, красочные фотографии ждем от вас, Лика.

- Почему от меня? - Лика перебирала полученные бумаги.

- Фотограф журнала в декрете.

Елисея Павловна вздохнула. Фотограф был в декрете уже шестой год, а нового найти не разрешал Марк. Экономил.

- Еще что-то?

- Соберите все сюда, - Елисея Павловна указала на тонкую папку. - Чтобы не потерять.

Лика все аккуратно сложила под пристальным взглядом Елисеи Павловны. Она была очень дисциплинированной и страшно ненавидела бардак. Может именно поэтому они с Жориком и не ладили...

- Статья в светлых и дружественных тонах, - наставляла она. - Громкий хочет финансировать журнал и оказать материальную поддержку лично Марку.

- Вы - прекрасный организатор! - улыбнулась Лика.

Несмотря на суровый взгляд, ее вычурную строгость и даже жесткость, требовательность, Елисея Павловна была профессионалом, ей можно было доверять, попросить совета. Она все делала прекрасно.

- Увы. Я лишь перебираю мусор в чужих спальнях.

Елисея Павловна грустно посмотрела в окно, вспоминая совсем иную работу, от которой, как она считала, был толк. И пусть она не любила ностальгировать по прошлому, оно то и дело появлялось перед глазами и скользило нарочито медленно, как скользит последнее солнце в ноябре, прощаясь с небом.

Лучи солнца скользили сквозь безупречно чистое окно по стенам, в этом блестящем свете танцевали сотни пылинок - маленьких, крошечных, незаметных.

Утренняя сонная магия окутывала всю кухню, медленно покачивалась, словно в танце, задевая все вокруг, завлекая в свой круговорот под мягкую музыку утра.

Лика медленно и аккуратно нарезала овощи, что-то помешивала в кастрюльках. Она безумно любила готовить, но мало кто любил есть то, что она готовила.

Дверь резко хлопнула: мелодия тишины прекратилась.

В кухню ввалился Егор – старший брат Лики. Высокий, большой, словно медведь. Но самый добрый и заботливый, словно сказочный медведь. Они были очень похожи с Ликой: общие черты лица, одинаковый цвет волос, добрый характер, свойственное обоим упрямство. Он неуклюже протиснулся между шкафами к столу. Кухня была слишком маленькой.

- Еда! – он хлопнул в ладоши. Кто сам готовить не умеет, тот любит все то, что готовят другие. Егор знал об этом и всегда восхищался кулинарным талантом сестры.

- Ты сегодня рано. – Лика поставила на стол тарелки, в которых было перемешано что-то яркое, пестрое. Главное, чтоб красиво было.

- Всю ночь на ногах. По городу колесил. Отдохну часа два и опять поеду. Напарник мой, Гришка, помнишь? – Егор махнул рукой. – Просился поменяться дежурствами. Чтобы я опять на выходные пропал.

Егор работал в полиции и чаще всего родным домом ему служил кабинет. Его постоянно не было: ночами, днями. В праздники. Летом. В Рождество.

И, чувствуя свою вину, Егор старался вырваться из круга запутанных расследований, чтобы побыть дома, но не всегда получалось. Лика не обижалась. Она тоже ставила работу выше себя, а еще понимала, что благодаря его самоотверженной работе с юных лет, ни в чем не нуждалась.

Именно из-за работы в их личной жизни было пусто словно в пустыне, по которой вот-вот прокатится перекасти-поле.

- Но я ему отказал, – продолжал Егор, наслаждаясь салатом. Или это была каша? – Я же обещал. На грядущих выходных – в деревню. К тете Лиде. Да, поедem? Отдохнем. Воздух там такой чистый.

Егор улыбался, предчувствуя предстоящий отдых. Лика отвернулась к столу, на котором готовила. Впервые выходные срывались не из-за работы брата, а из-за нее.

- Не получится в деревню...

Лика предугадывала реакцию брата. Егор всегда считал ее работу чем-то между хобби и баловством, хотя за это платили. И отпустить сестру в неизвестном направлении, где поджидают тысячи опасностей, на его взгляд, было недопустимо. Край безрассудства. Она мысленно строила диалоги, в которых могла убедить его в обратном. Ни в одном из них не убедила.

- Я еду в командировку.

- Ты? – Егор засмеялся. Но сразу же закашлялся, видимо дошел до красного перца, который и создавал такую яркость блюда. – Что за глупости? Ты же не моряк, не легчик.

- Мне нужно взять интервью у бизнесмена из городка Витево...

- А что, столичные уже все опрошены? – резко прервал Егор. Он стихийно соображал, как помешать планируемому отъезду.

- Они не соглашаются, – Лика улыбнулась и села рядом. – Вкусно?

Егор молчал и ел, хмурясь, обдумывая.

- Витево. Сто пятьдесят километров всего...

- Марк твой полоумный? – Егор его недолюбливал. – Ты, по сути, единственный человек, который все делает в журнале. И тебе ехать в какую-то глушь?

- Отвлекусь от повседневности.

- Не отвлечешься. Не поедешь. Ты два месяца назад в больнице лежала. Забыла?

Это было трудно забыть больше из-за того, что опека брата переросла в гиперопеку. Он в то время даже отпуск взял – впервые за пять лет.

- У тебя в выходные деревня, Лиде с ее консервированными помидорами. И точка. – Егор был непреклонен.

- Ну... я уже взрослая и могу не спрашивать разрешения. – Лика поменяла тарелку с другой едой, ожидая, когда ее брат взорвется гневными тирадами.

- Ни слова.

- Это приказ Марка как начальника. Это моя работа, – напомнила Лика.

- Работа у меня. – Егор всегда гордился своей работой, словно без него мир бы не просыпался каждое утро. - Жизни спасать – работа. Учить, лечить, возить. Польза для мира.

- А почитать? – Лика указала на журналы, стопкой лежащие на холодильнике. – Наш журнал пользуется спросом... Нужно писать интересные статьи, развлекать читателей. Марк сказал, нужно содействовать процветанию журнала.

- Благодаря тебе он еще существует. Журнал этот. – Егор был явно обижен, он ведь все просчитал, все придумал.

- Мы поедem в деревню. После командировки. Обещаю. – Лика тепло улыбнулась. Егор и Лика очень любили гостить у тети Лиды. Она всегда накрывала пышные столы, заботилась как о маленьких детях. А готовила она действительно вкусно. Еще она очень грустила в одиночестве, но перебраться в квартиру не решалась: без огорода не представляла своей жизни. - На неделю.

- Я уже тебя и переубедить не могу. – Егор отставил тарелку, убедившись, что первое блюдо было лучше. – Хотя я твой старший брат. Упертая как ...

- Ты? – подсказала Лика.

Лика погладила его по голове, взъерошив русые волосы.

- Все одно поедешь, да? – в его глазах еще была надежда убедить сестру, надавив на жалость.

- Да. Я просто влюблена в свою работу. Как и ты. – Лика поцеловала брата в щеку. – И чемодан помощи мне достать из шкафа!

Лика поспешила уйти в зал, пока Егор не придумал новые аргументы. Егор пошел следом, чтобы успеть занять место перед телевизором и включить нужный канал.

- И когда ты отбываешь? – Командировку он приравнивал к отбытию наказания.

- Послезавтра. А сегодня и завтра буду дома, готовиться.

- Долго?

- Дней пять.

- О деревне только мечтать остается. – Он вздохнул, расплзся по дивану и закрыл глаза. – Тогда Гришку обрадую, выйду вместо него...

Лика потянулась к пульту, чтобы переключить спортивные новости, заметив, что брат спит. Но Егор перехватил его.

- Я же смотрю! – возмутился он.

Недовольная Лика встала. Телевизор был занят. Без компромиссов – в ближайшие два часа по нему будут вещать о спорте.

- Лика! – Егор взял ее за руку. – Ты позвонишь? Мне. Если вдруг... Ты позвонишь. И я приеду и немедленно заберу тебя.

Егор не был склонен к проявлению чувств или не показывал этого, но сейчас Лика почувствовала неподдельную любовь и заботу, которая не раздражала ее, а придавала уверенности.

Рука Лики выскользнула.

- Лика!

Лика обернулась у дверей, ожидая услышать продолжение теплых слов.

- Посуда на тебе.

Последующие два дня пролетели очень быстро в суматохе. Егор, смирившись с поездкой Лики, заставил ее приготовить все, что она умела, чтобы не умереть от голода, оставшись наедине с кухонными принадлежностями, наводящими на него ужас.

В благодарность он взял на себя все необходимые покупки и даже согласился помочь Лике собрать вещи, хотя это было больше нужно ему, чтобы все проконтролировать.

Старая лампа на тумбочке создавала таинственный полумрак в комнате Лики. Это была самая маленькая комната в их квартире и самая красочная. На одной стене – обилие картин, рисунков, календарей, которые закрывали нежно-розовые обои с тюльпанами, вышитыми золотыми нитями. Другую стену загораживали многочисленные книжные полки, а на них множество книг, журналов. Ими же был усеян письменный стол в уголке. И конечно, игрушки. Под них была выделена самая большая полка. Лике было жаль выкидывать, и она их тщательно собирала и берегла, словно они хранят память о ее детстве. Если к ним прикоснуться – можно вернуться в детство. Словно они – часть детства, которую можно осязать.

Где-то в толпе полок имелся и высокий узкий шкаф с вещами, набитый так, что он не закрывался. И много разноцветных светильников по углам для создания волшебного света ночью.

Напротив окна в центре комнаты маленький диван, на котором горой лежали вещи, так что Егору не было места, где расположиться. Он постоянно двигался и вскоре очутился на самом краю.

- Много вещей не бери. — Егор вынул из чемодана несколько цветных тряпок, которые Лика мгновение назад положила. Он не понял, что конкретно вытащил, но подумал, что это что-то нетеплое, а значит вовсе не нужное.

Лика увидела это наглое вмешательство и вернула все обратно.

- Лучше теплый свитер, что Лида вязала. — Егор ткнул пальцем в синий рукав, выглядывающий из-под одежды. — Твой герой... Ничего плохого не заметил. Даже не знаю, чем он ваш журнал заинтересовал?

- О каком герое? — не поняла Лика.

- О бизнесмене. Леопольдович. Надо же. В честь кота что ли?

Лика удивленно посмотрела на брата, отвлекаясь от вещей.

- Я вроде его имени не называла.

- Я посмотрел в бумажках, что тебе на работе дали, — ответил Егор, ожидая благодарности за заботу. Но внутри предчувствуя, что это разозлит Лику.

Лика аккуратно свернула последнее платье и положила поверх остального, понимая, что оно слишком тонкое для ноябрьских прогулок. Но мало ли...

- Меня интересуют его положительные стороны: благотворительность, бизнес, личная жизнь. А не уголовное прошлое. С чего ты такой подозрительный? — Она все еще обдумывала брать ли платье.

- Издержки профессии. Чему я тебя учил? Никому не доверяй и все подвергай сомнению.

- Может кому-то уже можно доверять?

Егор промолчал. Ответ был очевидным, на его взгляд.

Лика собралась закрыть чемодан, но Егор заметил яркую бордовую обложку и быстро вытащил ее. Это была книга.

- Зачем? — Он многозначительно поднял глаза. — Чемодан не поднимешь!

- Это же Шекспир! — Лика выхватила книгу. Егор ее не понимал, из книг он любил что-то загадочное, запутанное, вселяющее ужас. А еще больше любил просто смотреть телевизор, под любую книгу он засыпал. — Мой символ удачи. Оберег. Все, что осталось...

Лика замолчала. Эта книга больше, чем литературный шедевр. Больше, чем листы, прошитые нитями. Она вся, каждая ее страница, даже строчка хранили память о ее близком. Самом близком.

Эта книга была подарком, сохранившим душу человека, дарившего ее. Подарком, запомнившим прикосновение рук, их теплоту и нежность. Когда Лика водила пальцем по страни-

цам, она словно прикасалась к этим пальцам, а страница была тонкой границей между миром мертвых и живых.

- Поэтому книга всегда со мной, - продолжила Лика, укладывая книгу обратно. – Перед тем, как что-то писать, я читаю ее. Для вдохновения. Она – источник света. В трудных ситуациях. Можно найти выход даже во тьме.

- А ты в трудной ситуации? – моментально среагировал Егор.

- Нет, это просто для примера. Чтоб ты понял важность книги.

Егор задумчиво посмотрел, он ведь был прекрасным сыщиком по натуре и всегда пытался найти подвох. И эта внезапная командировка все больше угнетала его, заставляла искать истинные мотивы, незримые причины и поводы – все подводные камни.

- Может у тебя что-то не так с твоим главным редактором? – предположил он. В остальном, по его расчетам, у сестры все должно быть в порядке, а вот чувства Лики никак не контролируешь.

- Я не уверена, что он все еще мой. – Лика грустно улыбнулась. Хотелось забыть самодовольное лицо Марка и его очередную даму.

- Я не хочу вмешиваться, – начал Егор. Он сам не мог похвалиться устроенной личной жизнью, поэтому не смел давать советы. - Я ничего не говорил даже тогда, когда ты связалась с рокером...

Этой истории было почти десять лет, но при каждом удобном случае Егор вспоминал о ней.

- Просто с музыкантом. Я хотела выступить с ним! – Лика негодовала каждый раз. Не было у нее никаких притязаний на того парня, только творчество. Петь – это ее главная детская мечта.

- Ты петь не умеешь!

- Ну и что?

- Он явно видел в тебе не солистку, – подчеркнул Егор и осекся. – Но я о другом. Если ты убегаешь от проблем, то не стоит. Лучше остаться и разобраться с этим.

- У меня все хорошо, – сказала Лика и застегнула молнию на чемодане. – Личные отношения никак не влияют на эту поездку. Я еду работать.

Егор смотрел недоверчиво. Как же ему хотелось понять, что на самом деле скрывает Лика или она говорит правду. Но кто их поймет – женщин?

Глава 3. Город чужих детей

Двери из темного дуба, покрытые лаком, распахнулись. Обилие красного цвета и золотой блеск расплелись повсюду как алый мак посреди заброшенного поля. Здесь все было таким: красный палас, красные бархатные стены, красные ленты в золотой обойме, красные накидки на креслах. А еще было очень много дуба: вьющаяся, как змея, лестница, приемная стойка, двери, окна, столы, стулья. Очень странно для единственной гостиницы небольшого провинциального городка.

В центре стояла стройная немолодая женщина в алом платье и туфлях – тонких, изящных и, естественно, красных. Элеонора. Она бы слилась с общим фоном, если бы не черные, густые и длинные волосы, прикрывающие ее спину.

Она рассматривала себя в зеркало и подмечала, что сегодня еще более красива, чем всегда. День предстоял волнительный и напряженный: встретить гостью и произвести впечатление. Она переживала и вместе с тем была в недоумении: ну зачем ему это? Капризная девица, которая будет брать интервью. Разве потраченные нервы дорогой любовницы и статья в газетке равнозначны?

В своих раздумьях и переживаниях Элеонора не заметила единственного гостя.

Лика подошла к приемной стойке, она тоже не обратила никакого внимания на самовлюбленную женщину, и постучала пальцами.

Молодая девушка с облаком пышных белоснежных локонов, просто ангельски красивая, улыбнулась.

- Здравствуйте, а мы вас давно ждем! Я – Ася.

Лика посмотрела в сторону часов – одинокое украшение стены.

- Да, ехать сюда очень долго.

Дорога была бесконечной. Поворот, трасса, поворот, трасса, а за окном – бесконечность вымерзших полей под тонкой пеленой тумана, сухая трава и даже первый снег.

А потом выяснилось, что географический центр городка и центр скопления всего жилого – это две разные стороны и минут тридцать таксист весело рассказывал житейские истории по пути в гостиницу, а за окном – все было серым: дома, площадки, улицы и небо в облаках – низких и серых.

- К вам нелегко добраться, – Лика тоже улыбнулась: девочку расстраивать не хотелось. – Меня зовут Лика.

Это Ася очень хорошо знала. Она тоже с самого утра готовилась: вытерла пыль, рассыпала конфеты в вазочки, поставила игрушку – белого снеговика, чтобы создать настроение приближающейся зимы и хоть немного разбавить алый цвет. Она его не любила и всегда носила одежду не красного цвета, чтобы не походить на Элеонору – настоящую стерву. На Асе была темно-зеленая туника, все остальное скрывала стойка. Ее, как и Элеонору, тоже беспокоил приезд госты: Асе было любопытно, интересные гости – большая редкость.

- Сюда редко приезжают. Город чужих детей, – Ася печально улыбнулась. Она боялась сказать лишнего, но и искусно лгать не умела. И до сих пор не знала цель приезда журналистки. Чем ее так заинтересовал невзрачный городок?

- Город чужих детей?

- У нас очень много детских домов. Для такого маленького города рекордное количество. Это, пожалуй, наша единственная достопримечательность.

- Мне обещали торговый центр, спортивный комплекс и музей? Обманули? – Лика улыбнулась.

Ася в ответ улыбнулась чуть шире. Она все поняла. Журналистка приехала к Громкому. А она надеялась, что кто-то наконец-то заинтересовался судьбами детей и хоть колонку в журнале о них напишет.

- Ваш номер уже ждет...

Женщина в красном оглянулась, ее привлек разговор в противоположном углу. Она моментально улыбнулась самой широкой улыбкой и подошла к госте.

- Лика! – Она улыбнулась еще шире, алая помада засверкала на губах. Понятно, кто был задействован в оформлении дизайна гостиницы с такой любовью к красному цвету.

- Здравствуйте!

- Хозяйка гостиницы «Лео» – Элеонора, – представилась женщина. - Жду вас с самого утра. Я такой номер подготовила.

Она воодушевленно жестом показала на лестницу.

Элеонора очень гордилась своей гостиницей, ее шиком, блеском золота, роскошью. Она тратила все деньги на создание собственного королевства, отличного от всей серости городка, в котором она сама себя короновала. Лика кивнула. От красного цвета у нее рябило в глазах, поэтому идея покинуть этот этаж была одной из лучших.

- Ася, забери багаж, – бросила Элеонора, даже не посмотрев в сторону ангельской девушки.

Она застучала каблуками по лакированным ступеням, показывая дорогу Лике.

- Так много красного, – улыбнулась Лика, подразумевая, что это скорее недостаток, чем достоинство. Но Элеонора так не считала.

- И мне нравится, – кивнула она. Огоньки в ее глазах, кажется, тоже были алыми. – Это такой королевский цвет. Насыщенный, глубокий.

«Цвет борделя», - подумала Лика.

Они миновали лестницу и оказались на втором этаже. На стенах висели картины с различными коронами, украшениями, диадемами, под потолком покачивалась люстра – скопище стразов и подвесок.

Элеонора шла дальше, через этаж на следующий, словно демонстрируя всю красоту вокруг и изысканность ее вкуса. Хотя, дорога могла быть и короче. Второй этаж, третий, все было однообразным.

- Знаю, насколько утомительна поездка в наш город. Поэтому сегодняшний день для отдыха, а не для работы. Элеонора остановилась и подошла к двери, где-то в центре этажа.

- Ваш номер. – Она открыла дверь. – Я побеспокоюсь, чтоб о вас позаботились наилучшим образом.

Лика вошла в комнату и оказалась в маленьком коридоре: он был в мягких тонах, но без красного и бордового не обошлось. Этими цветами были окрашены всякие мелочи.

- Большое спасибо. Мне нужно сообщить о приезде.... –

Лика запнулась, странное отчество вылетело из головы.

- Виктору Леопольдовичу? – Элеонора слегка дернулась. – Он знает.

Элеонора окинула взглядом Лику – теперь другим, не сладким и доброжелательным, а оценивающим. Она до этого не думала о возможности или скорее, о вероятности...

Ничего особенного в девице не было: невзрачная, макияжа нет, что-то спортивное – элемент дорожного стиля, поверх него карамельное пальто – дорогое, но не яркое, хвостик на голове. Простенько.

Но Виктор Леопольдович мог и не удержаться от соблазнения молодой девицы. Молодость – главное достоинство госты. Ревность затуманила ее голову и на миг она потеряла свою королевскую сдержанность и лучезарность. Нужно будет дать понять ей, что Элеонора и Виктор всецело принадлежат друг другу, и никто между ними не станет.

- Вы Виктора Леопольдовича знаете?

Элеонора усмехнулась. «Девочка, если бы ты знала, что я знаю, ты бы мне не улыбалась».

- Городок небольшой. Все, что происходит – мне положено знать. Я же хозяйка самого популярного места. И самого модного, как и ваш журнал. Можно сказать, мы вдвоем на страже всех событий. – Она засмеялась. – Администратор вашего журнала сообщила цель поездки. Вы знаете, с лучшими людьми нашего города просто необходимо поддерживать связь. Как могу, содействую им.

Содействовала она очень яростно, активно, поддерживая не только деловые связи с бизнесменом, но и личностно-интимные.

- Громкий – лучший человек вашего города?

Все казалось Лике странным. У Витево звание «город чужих детей», Громкий в списке самых лучших. Куда она попала?

- Это что конкурс какой-то был? На лучших? – Лика удивилась. – Разве мир делится на лучших и не очень?

Ей не понравился тон хозяйки, впечатление о ней было все хуже и хуже.

Элеонора замялась и слегка сбилась. Она бескомпромиссно признавала власть и силу Громкого как высшей инстанции в этом городе и не могла понять, как эту истину кто-то может подвергать сомнению.

- Он благодетель нашего города. Помогает любым учреждениям. Финансово. – Элеонора постучала по дверной коробке. – Мы процветаем. Ему бы управлять нашим городом! Такой руководитель – мечта.

Элеонора начала выполнять свою миссию. По указаниям любовника, она должна была осторожно, без напора подвести журналистку к мысли о политической карьере, его управленческих способностях.

- Ясно.

Лика продвинулась слегка в номер, оставляя Элеонору в дверном проеме. Хозяйка гостиницы почувствовала, что Лика ускользает, а по плану ей нужно было еще расхваливать своего героя.

- Спасибо вам, пойду, комнату посмотрю.

- И я очень рада, что его имя узнают многие....

Элеонора еще пыталась привлечь внимание, но эту задачу она провалила. Дверь перед ее носом закрылась.

Глава 4. Громкий

Он еще раз поправил безупречный черный костюм и выглянул в окно во всю стену. Не то чтобы он нервничал перед какой-то юной журналисткой, но люди увидят его ее словами. Хотелось бы, чтобы они были идеальными.

Это был известный бизнесмен и благодетель Громкий Виктор Леопольдович – высокий, статный, богатый.

На полках его шкафов толпились папки, а в папках – бумага белоснежного цвета – мечта обедневшего книжного магазина – ни в одной из них не было правды. Он вообще не знал, что в них. Его настоящие дела были гораздо ниже этих липовых букв и цифр, но гораздо прибыльнее.

Как он оказался в маленьком, забытом уголке с его бизнес-империей? Все просто – в забытых уголках тоже есть деньги, и их не нужно ни с кем делить в отличие от городов, кишящих бизнес-людьми. Были и другие причины жить в этом уголке.

И все же мечты о больших городах не покидали его: ему хотелось и уехать, и остаться. Здесь было много дел, но как можно было бы развернуться где-то далеко...

Пока Громкий стоял в раздумьях, в дверь уже постучали второй раз.

В спешке бизнесмен спрятал бокал с виски и взял чашку чая, заранее приготовленную. Для имиджа.

- Входите.

- Здравствуйте! Я – Лика Тимошева. – Лика вошла и улыбнулась.

Сегодня она расцветала как майская роза, вчерашняя усталость испарилась и теперь она словно сияла чистотой своей красоты. Волшебное настроение отражалось в ее глазах, мягкости улыбки. А все потому, что очаровательная девушка-ангел Ася подняла утром ей настроение, приготовив вкусный кофе. Его аромат разнесся по всей гостинице, и жутковатый красный оттенок перестал быть таким раздражающим. А потом добрая Ася сделала шикарную прическу, накрутив локоны. В этом она была профессионалом.

Лика поправила черное платье и подошла к столу.

- Прошу, садитесь, – Громкий указал на кресло. Пока журналистка садилась, копалась в большой черной сумке в поисках всего необходимого, он внимательно ее разглядывал.

«Какая чистая красота, – подумал он. – Замуж ее позвать потом что ли? Эля старовата». Громкий уселся в свое массивное кресло кремового цвета.

- Как гостиница, она произвела на вас эффект? Все понравилось?

- Очень красивая и уютная гостиница, – солгала Лика.

- Как вам Эля? – Громкий многозначительно посмотрел. Важно было выяснить, выполнила ли она его поручение и насколько хорошо.

«Именно так я представляю себе настоящих стерв», – подумала Лика.

- Она очень ответственная и любит свое дело. И вас уважает.

Такой краткий ответ Громкого не устроил, он ничего не понял.

Лика приготовилась, все разложила и обратилась к бизнесмену:

- Начнем?

- С удовольствием.

«Какая примерная девочка, послушная», – мелькнуло в голове у бизнесмена.

Секретарша Леночка по просьбе Громкого принесла чашку черного чая с двумя кусочками лимона для Лики и работа началась.

Лика спрашивала обо всем, что-то записывала в блокнот и даже зарисовывала. Виктор Леопольдович с большой охотой разложил свои фотографии, грамоты, дипломы – все, что Леночка успела сделать и оформить надлежащим образом.

О трудном детстве, о родителях-трудягах, об учебе, о первой работе, о стойкости в непростые девяностые, о расцвете в первом десятилетии века, о планах, о грядущем. Виктор Леопольдович не умолчал даже о первой любви, только имя ее забыл – Люся или Зоя.

Листок за листком блокнота из белоснежных превращались в беспощадно исписанные клочки бумаги. Чашка чая сменилась другой чашкой. Стрелки на часах незаметно наматывали бесчисленное количество кругов.

Все это время Громкий разглядывал Лику с интересом, с влечением.

«Эх, Марк – молодец. А то хотел прислать мальчишку какого-то. Я не настолько современный человек, – усмехнулся про себя Громкий. – А вот Лика... Ресторан, круиз, отель? Или не все так быстро? Нужно повозиться, придумать что-то оригинальное? Все-таки не провинциалка».

Лика поставила точку так резко, что в листике появилось едва видное отверстие, словно прочла мысли Громкого, и они ее в восторг не привели.

- Хорошее образование, честность и порядочность – ваша формула успеха и процветания, – подытожила Лика. – Верно?

- Лучше и не скажешь. – Громкий пододвинул к Лике свой очередной диплом, акцентируя внимание на нем. – Я учился в Чехии, в самом сердце Праги. Потом курсы по различным направлениям: языки, культурология, бизнес, экономика...

Лика старательно записывала, ей становилось скучно. Слишком все было хорошо. Ну не может возвышаться нимб над человеком, у которого на счетах миллионы.

- А вы видели наш биологический музей? Это я увлекался биологией на рассвете своей карьеры... – Громкий запнулся. Да, вспомнить бы, где он был на этом самом рассвете, явно не за исследованием биологических талмудов.

Лика посмотрела на него слегка удивленно. В попытках показать себя в самом лучшем свете бизнесмен выставлял себя глупцом. Биологический музей? Неужели у главы строительного бизнеса в тайных глубинах души кроется любовь к собиранию скелетов и изучению растений?

- Я удивляюсь. Что же вы – такой грамотный, образованный человек, разносторонняя личность... Вы во всем: и культурология, и биология, и бизнес. Так вот, что вы делаете в Витево?

У бизнесмена заблестели глаза. С одной стороны он хотел пустить корни здесь, в Витево. Добраться до рычагов управления городком. Но с другой стороны... О крупных городах он мечтал. Мечтал о новых возможностях и боялся их.

- Витево – моя родина. Я остаюсь тут и когда-то, возможно, буду пробовать избираться в органы местного самоуправления. У меня много хороших качеств. У меня есть шансы, как считаете?

Нужно начинать вести девицу в нужное русло. Слишком увлеклись личным. Он не хотел, чтобы люди запоминали имена его дам, лучше пусть запоминают его фамилию и ассоциируют со всем хорошим, чтобы отдать ему предпочтение. Однажды.

- По-моему, лучшие качества – это честность и порядочность. Не так ли?

Громкий неохотно кивнул и взял чашку с чаем. Не привык он к такому напитку, а особенно под такой серьезный разговор. Рука так и тянулась к секретному бокалу.

- Итак, – Лика провела в блокноте черту. – Теперь о вашем бизнесе. Строительная компания, единственная в Витево, значит, конкуренты вас не беспокоят.

- Я не скажу, что я монополист. Но никто не хочет развивать бизнес в малых городах. А я? Я пытаюсь поддерживать мой родной город.

В этих словах была правда: Виктор Леопольдович активно занимался благоустройством города, его имя знали жители. Образ городского благодетеля прочно закрепился за ним. Делал он это не из-за порывов души, а для собственной выгоды. Но звучало очень благородно.

- Я часто уезжал отсюда, но всегда возвращался. – Громкий театрально вздохнул. О причинах возвращения лучше промолчать.

- Процветающий гостиничный бизнес тоже ваше детище?

- Нет-нет. Гостиница принадлежит Элеоноре. Я лишь поддерживаю ее. Финансово, советами. Мы с ней добрые друзья.

- Очень хорошо. Торговый центр – ваш? Не ошибаюсь? Для обеспечения населения качественными товарами и услугами, ничего не забыла?

- Хорошо, что напомнили! – Громкий хлопнул по столу ладонью. – У нас новый торговый центр открывается.

- Знаю.

Об этом центре говорили все. Утром в гостинице Лике уже успела наслушаться о прекрасном и замечательном магазине, об акциях и скидках, и о получении товара.

- Не забудьте отметить стремление в политическом направлении... – Громкий вновь вернулся к своему главному вопросу. Его немного раздражало, что журналистка без энтузиазма схватывает его идеи, его заслуги. Она не восхищалась им и вела себя слишком дерзко, заносчиво, высокомерно. Лика его разочаровала.

«Вот что большие города с людьми делают, – подумал он. – Не такая она и послушная. Ложное представление».

- Я талантливый управленец. – Громкий обвел рукой, охватывая своим движением все вокруг: лежащее, стоящее, кабинет в целом. Кто мог сомневаться в его словах? Он управлял строительной компанией и до сих пор был на свободе. - Я человек, который близок к населению. Меня знают. И не побоюсь сказать, любят.

- Если не ошибаюсь, существует такое понятие как несовместимость деятельности? – Лике очень нравилось изучать подобные вопросы. Жаль Марк всегда был против. – И вам придется распрощаться с бизнесом.

- Распрощаюсь. – Без тени улыбки сказал бизнесмен. Ох уж эти идеалистки. Это их бредовые идеи ломают мир, так хорошо сложенный низменными людьми.

- Я обязательно об этом упомяну в статье. – Лика широко улыбнулась и закрыла блокнот. – Вы очень интересный собеседник.

Громкий слегка покраснел. Он уже выбросил мысли из головы об очаровании юной девицы. Она оказалась не такая услужливая и преданная как верная собака, как верная Эля. Но сейчас... Она дала ему повод?

- Надеюсь, я увижу черновик статьи? – Виктор Леопольдович все еще не доверял Лике.

- Непременно. – Лика знала, что Марк всегда согласовывает заказные статьи с клиентами. А она никогда не соглашается с их правками.

Лика встала, за ней следом – Виктор Леопольдович. От его торопливых и неловких движений несколько папок со стола упали на пол.

Лика на мгновение замерла. Одна из папок раскрылась, на белых листах показались яркие, красочные картинки многоэтажных домов с подписью «Мечта детства».

Виктор Леопольдович уже тянулся за ними, но Лика оказалась быстрее.

- Это ваш новый проект? Как интересно. Что же вы промолчали? – Лика протянула папку. Интуиция или другие внутренние свойства говорили ей о том, что эта папка – сборник тайн Громкого.

- Я не молчу, – стеснительно улыбнулся Громкий, быстрым движением вырвав папку. – Пока об этом лучше не писать. Проект в разработке. Не могу знать, какие результаты будут. Вдруг дело успехом не закончится.

Виктор Леопольдович положил папку в самый дальний ящик. Какая все-таки судьба! Так тщательно готовиться, чтобы создать образ для журнала и ... оказаться на грани провала из-за нелепого движения руки.

- Какие красивые картинки! А название – такое воодушевленное! Это дом для детей? – Лика настаивала на своем.

Громкий вздохнул.

- Вы наверно слышали о программе по обеспечению жильем выпускников детских домов? Моя компания будет заниматься подготовкой и будущим строительством таких домов здесь, в Витево.

- Это повысит ваш рейтинг, – уверенно заявила Лика.

- И все-таки, пусть это пока будет в секрете.

Лика неодобрительно взглянула на стол: что-то определенно тайное и нехорошее оставалось в этом кабинете, что Лика так и не смогла раскрыть.

- Сегодня приходите на открытие нового торгового центра, – напомнил Громкий. – Торговый центр – это рабочие места, достойная зарплата, ассортимент, все на высшем уровне. Все для наших людей. Увидите своими глазами.

- Обязательно. И о музее я помню. До свидания.

- Всего вам хорошего.

Лика быстро вышла из кабинета и оказалась лицом к другой двери с грозной табличкой: «Грачев». Ни инициалов, ни должности, ни графика приема. Только табличка в виде двух распахнутых черных крыльев птицы и устрашающая тишина за дверью, где обитает неизвестный Грачев.

Глава 5. Рассвет

Где-то рождался рассвет. По небу, словно по бесконечной ленте, тянулись облака – из густой тьмы они медленно превращались в синие, а затем в пепельно-серые. Чернота расступалась, уступая эту чашу весов дню. Но день и ночь всегда вместе, и если на одну чашу восходит день, на другой непременно начинает властвовать ночь.

Память – это тоже лента, лента из цветных фотографий, кадров из фильма, что именуется жизнью, которые застряли в глубинах разума. Чем мы становимся старше, тем длиннее становится эта лента, тем больше счастливых моментов остаются только кадрами на пленке, только воспоминаниями.

Воспоминания... Они заставляют нас осознавать, что прошлое невосвратимо. Они заставляют нас улыбаться самой грустной улыбкой в мире.

Алексей закрыл глаза.

Где-то на зеленой лужайке под ярким летним солнцем бегала детвора. Зимой всех посещает особая тоска и грусть, ощущение безысходности и неотвратимости судьбы, а в детском доме эти чувства более ощутимы. Но летом стирается любая тоска, все оживает и живет, все устремляется к небу, приближаясь к свету солнца. Лето – это вечный полет детства, вечное счастье.

В скучном дворе детского дома, где скрипели как престарелые деревья качели, тоже было лето. И все этим наслаждались: играли, бегали, шумели, смеялись, сидели на цветастых подстилках, прятались за буйными зарослями ягодных кустов...

Это было много лет назад... Лет пятнадцать назад...

Маленький мальчик, крепко сжимая мяч, бежал по лужайке. Ему так не терпелось поиграть с ним. Напротив сидели несколько светловолосых девочек, которые бережно расчесывали волосы единственной кукле. Он не обратил на них внимания.

Мальчик так заигрался, что не услышал ни резких шагов, ни наглого смеха. Это были другие, более взрослые дети, лет по тринадцать. Они никогда не гуляли вместе, редко виделись, но в честь теплых летних дней всех детей выпускали гулять вместе.

- Твое время вышло. Мяч отдай! Пора нам играть, – грубо сказал один из них, высокий, худощавый, в веснушках.

Мальчик был растерян, он чувствовал себя самым одиноким ребенком в мире, но мяч отдавать не хотел.

- Там другие мячи есть. Их возьмите. Я с этим играю.

Мальчишки засмеялись: злобно и враждебно.

- Иди в куклы играй, – издевательски улыбнулся второй.

- Не отдам!

- Он еще дерзит старшим, – один обернулся к другому.

- Научим его вежливости?

Они вновь рассмеялись и сомкнули круг вокруг ребенка.

Мальчик упал в траву, мяч выскользнул из рук и покатился по траве. Один из мальчишек замахнулся ногой. Мальчик сжался в комок и закрыл голову руками. Он уже знал боль, но пока не умел противостоять этому.

В детском доме считалось, что каждый должен быть одиночным волчонком: уметь драться, иначе будут бить тебя. Однажды тебе надоест быть слабым, надоест боль и позор, и ты начнешь отвечать, учиться быть сильнее. Будь злее, чем другие, тогда ты будешь жить. Самое верное учение – учение о том, как выжить.

Но боли за взмахом его ноги не последовало, чему Алексей удивился.

Кто-то подошел и что-то говорил. Мальчик подумал, что воспитатель увидел безобразие, но это был ребенок чуть старше Алексея.

- Отстаньте от него! – его голос был строгим. Он сурово смотрел на взрослых обидчиков мальчика.

- Тоже получишь сейчас, иди куда шел...

Мальчик испугался, что его защитника, возникшего из ниоткуда, тоже будут бить, и закрыл глаза. Доносились странные звуки: удары, кто-то ругался, угрожал, потом быстрые шаги, почти бег.

- Ты как?

Алексей открыл глаза, его защитник стоял напротив и улыбался по-доброму, с неподдельной искренностью и сочувствием, с заботой.

- Вставай. Или бегать нужно уметь, или драться. – Он протянул ему руку и помог встать.

- Ты как здесь появился?

- Гулял, шел через площадку. Заметил этих... – Он махнул рукой. – Я – Матвей.

Алексей отряхнул с одежды остатки травы.

- Ты их раскидал просто! Здорово! – восхищенно сказал Алексей. – Я – Леша. Не видел тебя раньше.

- Я тут недавно. И так бывает, – пожал он плечами, заметив удивленный взгляд.

- А сколько тебе?

- Десять.

- Мне почти девять, но я так не умею драться, – заметил мальчик.

- Я раньше в секции занимался. Когда жил... – Он остановился и грустно вздохнул. – Не тут.

Матвей пошел вдоль тропинки. Алексей молча шел с ним. Он был очень удивлен его поведением и впервые почувствовал какую-то близкую связь, почти родственную. Хотя откуда ему знать – какая она родственная связь?

- Я же не сказал тебе «спасибо», – опомнился Алексей, шагая рядом. Он действительно был безумно благодарен ему и хотел отплатить добром на добро. Алексей впервые увидел, как это быть добрым, быть хорошим и отзывчивым. Как это быть человеком.

- Так все должны поступать.

- Нет, здесь не так. А научи меня драться? – вдруг попросил мальчик. – Я здесь давно и никаких секций тут никогда не было.

- Драться – это не всегда хорошо. Защищаться – научу, – пообещал Матвей.

- Будем дружить? – с опаской предложил мальчик. Он боялся, что такой слабый и робкий друг Матвею не нужен.

- Конечно, будем!

- Только не забудь научить! Вдруг тебя рядом не будет, – тихо сказал Алексей. В эту минуту ему показалось, что Матвей теперь самый главный и самый близкий человек для него и если его не будет, он пропадет, даже умея защищаться.

- Почему? – Матвей остановился. – Я буду всегда.

Алексей открыл глаза и вынырнул из воспоминаний. Теперь у него есть только они. Мгновения жизни, когда он чувствовал себя нужным, когда он прогнал одиночество... Мгновения, когда он был счастливым.

Наполненные дождевой водой, что вот-вот грозит вырваться и обрушиться на землю, тучи низко пролетали над городом так стремительно и неумолимо. Рассвет все еще сражался за право властвовать на темном небосводе и раскрасить его в светлые голубые полутона.

С крыши самого обычного и непримечательного серого дома, такого же серого как любое утро поздней осени, хорошо просматривался весь город. Одиноким. Застывший в облаках тумана. Ни один шорох не смел нарушить эту тишину, побеспокоить этот недолгий сон.

Резкие, быстрые, громкие, разрушившие сонную идиллию. Шаги, а за ними и появление человека.

- Я знал, что ты будешь здесь.

Арсений достал из кармана кожаной куртки сигарету.

- Предложить?

Алексей отмахнулся.

- Мешает дышать при беге.

Он все еще стоял лицом к спящему городу и слушал тишину, не поворачиваясь, не отвлекаясь. Это странное слияние с природой не в лучшей ее поре помогало пережить внутренние неурядицы, заглушить странный голос. То ли совести, то ли жалости к себе, то ли отчаяния.

- Я нашел это... Это твое. Теперь.

Он протянул маленький брелок с серебристым медвежонком, сжимающим крошечный ключ.

Алексей повернулся. Человек, стоявший напротив, не был таким как он. На его лице не отражались все оттенки боли, пусть и скрываемые. Он был в нормальном состоянии, торопился куда-то, показывая это всем своим видом, слегка раздосадованный свалившимися хлопотами.

- Брелок был рядом с телом. Я нашел его, никто не заметил эту мелочь. И я решил забрать. Память все-таки...

- Ты уже говорил с ними?

- Нет, меня не допрашивали.

- Наверно, нужно рассказать... Все, что известно, – голос Алексея был неуверенным и слегка дрожал.

- Лучше молчать. Я со всем разберусь. А ты разберись с собой. – Он по-дружески хлопнул по плечу.

- Нельзя быть настолько трусливым, чтобы отрицать то, что есть. Его убили из-за нас.

Злость и ярость начинали медленно овладевать, подниматься как бурлящая лава из самых недр земли. Алексею пришлось сжать кулак.

- Это стечение обстоятельств, – Арсений махнул головой. Его слова были настолько неуверенные, словно он и сам не верил в них.

- Ты веришь в версию о хулиганах? Да мы сами – Он запнулся. Да, истину всегда неприятно принимать.

- Не лучше их, – договорил Арсений. – Я знаю. Но так произошло. Кто-то оказался сильнее.

- Глупость.

В эту правду, о которой трубили на каждом углу о группе хулиганов, которая вечером совершила дерзкое нападение, Алексей не верил. Не верил и Арсений, но эта версия была очень удобна.

- Я никому рассказывать не буду, конечно, – горько усмехнувшись, Алексей повернулся. – Но мы должны сами найти и даже наказать... Это долг...

Арсений предпринял попытку положить руку на плечо, но Алексей быстро увернулся.

- Я понимаю твою боль. И мне нелегко.

Алексей заглянул в его карие бегающие глаза, не доверяя этим словам ни на грамм.

- Нужно трезво оценить ситуацию. К тому же, ты помнишь, сколько мы запланировали? И Матвей был бы не рад, что мы бросили наше общее дело.

Знакомое имя резануло слух, воспоминания как колесница на жуткой скорости промчались в голове.

- Я пропаду на пару дней. Подумаю, погуляю.

- Не надейся на глупостей. Неприятности навлечь – дело нехитрое. Но разве этим мы его вернем?

- Но правду узнать можем....

Арсений отступил несколько шагов назад. Он был уверен, Алексей не воспротивится его словам, без его согласия не сделает опрометчивый шаг. Возможно, ему нужно больше времени и после какого-нибудь завтра все снова будет в норме. Арсений повернулся.

- Деньги есть? – покровительственно спросил он. Он всегда был таким, словно исполнял какие-то родительские обязанности. Покровительствовал. И это ему нравилось. Так он чувствовал себя частью их семьи. Жизненно необходимым кому-то. Важно человеку быть нужным.

Алексей молча кивнул.

- Слишком холодно. Пора заканчивать утренние вылазки на природу...

Алексей посмотрел на него. Беспокойство? Забота? Нет, скорее насмешка. Разве нельзя понять, что он в поиске того единственного, с помощью чего можно спастись... Уединения, может, забытья. А этот холод, этот мягкий туман, сонливость города, прощальный осенний вздох – это то, что лучше всего помогает. Разве могут два человека одну беду чувствовать так по-разному?

- Не стоит...

Арсений тихо, не прощаясь, растворился. В его голове мелькали сотни мыслей, идей, планов. Его дни были расписаны поминутно, и каждый из них должен был приносить пользу для него. Времени страдать не было. Времени вообще было мало, а дел, как водится, – много.

В облаках тумана остался стоять его друг. Тревога все еще переполняла Алексея, острый комок застыл в горле. В серо-голубых глазах отразились несколько лучей солнца. И все-таки победил рассвет.

Глава 6. Новость

Марк не отвечал. Он не звонил, не перезванивал, не писал. Лика понимала, что он пользовался ситуацией, которую сам и создал, и мужчина проводил время в свое удовольствие. Но в глубине души еще созревали оправдания его молчанию.

Лика отложила телефон. Возможно, эту страницу пора перевернуть.

Она сидела на лавке в новом торговом центре. Вокруг суетилась малочисленная толпа людей, горели рекламные вывески, с потолка свисали гирлянды. В далеком углу разноцветными огоньками переливалась искусственная елка.

На лавку опустилась бойкая пожилая женщина, которая явно желала пообщаться. Рядом с собой она поставила две сумки, набитые разномастными пакетами, а уже в пакетах были товары.

- Да... – Женщина вздохнула, готовясь к непринужденному разговору. – Хороший торговый центр. Да?

- Вам нравится?

- Недалеко от дома, – женщина пожала плечами. – Выбор большой.

- Сегодня – открытие. А людей мало...

- А вы не местная? – Ее глаза жадно заблестели. Наконец-то тема для разговора найдена.

Лика посмотрела на нее. Поздним вечером женщина прогуливалась по магазинам, а не маялась на кухне в процессе готовки. Возможно, она одинока, поэтому любит поговорить со встречаемыми собеседниками и многое знает. То, что осталось скрыто от глаз и ушей Лики. Настоящий бриллиант в этом полуцарстве тьмы и тайн.

- Нет, я приехала из другого города.

- Ого. – Она была ошеломлена. И кажется, подумала о Лике также, как она о девушке. Женщине повезло встретить такой источник информации – никому неизвестной, свежей, словно дуновение ветра летом.

- По работе?

- Почему? Может, отдыхаю...

Женщина засмеялась, поправив малиновый шелковый платок, совсем не для глухой осени.

- Не думаю. Не для отдыха наш городок. Или к любовнику какому-то, – она с надеждой посмотрела на Лиду. Любовные похождения горожан были всегда на первом месте среди сплетен. - Или работа.

- Угадали. По работе. Статью пишу о городе. Лика.

- А я – Варвара Архиповна. Заведующая архивом, – гордо представилась она. Стало понятно, откуда такое рвение к сбору новостей. – И кому это наш город так нужен? Что о нем пишут.

- А у нас журнал специализируется на жизни людей в маленьких городках, – солгала Лика. – Так, а почему это место не для отдыха?

Варвара Архиповна слегка обомлела. Не хотелось говорить плохо о городе, о котором хорошего сказать нечего.

- Обстановка такая... Неспокойная. Сюда мало кто осмеливается приезжать. Витево городом детдомовцев называют. Тут в каждом районе их по несколько штук. Единственная наша достопримечательность. Ну и контингент соответствующий.

Об этом Лика уже где-то слышала. О городе чужих детей.

- А музей?

- Музей только и спасает от культурной безграмотности и научного пессимизма! Он – наше все... – Варвара Архиповна заметно развеселилась.

- Так, почему людей немного в торговом центре? Открытие ведь.

Варвара Архиповна округлила глаза, понизила голос.

- Убийство, – безмолвно, одними губами сказала она.

Лица с интересом посмотрела на нее. Город перестает быть серым. Что-то живое, настоящему страшное и главное – это то, что нужно для хорошей статьи. Никому не нравится читать об идеальном человеке, потому что все понимают, что это ложь от первой буквы и до последней точки. Лица вцепилась в эту новую нить. Возможно, она с головой погрузится в этот океан расследований, примеряет образ сыщика. Должны же в ней говорить ее гены!

- Какой ужас! – получилось слишком наигранно. Актерские гены матери в ней упорно молчали.

- Не хочу тебя пугать, – Варвара Архиповна автоматически перешла на ты. – Но убийство в нашем городе недавно произошло. Все опасаются. – Женщина сказала это так зловеще, словно пересмотрела все американские фильмы ужасов.

Она уже приготовилась осыпать Лику лавиной информации, как вдруг ее отвлекла другая женщина – старше, с двумя полными сумками. Она присела рядом с Варварой Архиповной и пожаловалась о том, как долго искала подругу в продуктовом отделе, рассказала обо всех своих покупках и расспросила об ее приобретениях.

Варвара Архиповна прервала поток ее слов:

- Я вот девочке рассказываю, что у нас тут происходит.

- А что происходит? – Женщина устремила взгляд и только заметила Лику.

- А убийство?

Женщина безразлично кивнула.

- Ой, ужасы творятся! Парня убили – Матвея Костромского. Он в детском доме рос. Теперь по улицам ходить страшно.

Варвара Архиповна стала причитать, вспоминая все криминальные ситуации, которые происходили в городке с прошлого десятилетия.

- Что ты говоришь такое, Варвара? Девочка, не слушай ее. Что мы там знаем. – Женщина махнула рукой.

- Знаю, я все знаю! Я заведующая архивом. Мне по должности все знать положено, – гордо заявила Варвара Архиповна.

- Так ты пять лет там не работаешь!

- А бывших заведующих архивом не бывает!

Женщины огрызались и спорили, совсем позабыв о Лике. Варвара Архиповна, которая так гордилась своей ролью всезнающей заведующей, главного советчика, человека, чьи слова были правдивыми априори и, безусловно, хотела переговорить, переиграть свою соседку.

- И часто у вас убийства? – неловко вставила Лица. Варвара Архиповна повернулась в недоумении. Она просто забыла о ее существовании.

- Нет. Это первое на моей памяти, – вставила женщина.

- Это раньше так было, – парировала заведующая. – А теперь что будет! После первого убийства всегда и второе идет.

- Так, а за что его убили?

Женщины замолчали. Неужели они не знают или не хотят говорить о таком интересном?

- Случайность. Хулиганы, – кратко ответила женщина.

- Да что ты знаешь! – Варвара Архиповна махнула рукой. Она знала и хотела раскрыть все карты, никому не уступая эту сцену. Она обернулась к Лике. – Матвей – хороший парень. Был. Спортсмен. И сумку поможет донести. И работал в секции спортивной. А потом... Что-то поменялось. Скрытный стал. Он и его друзья. Чувствую, без чего-то сильнодействующего не обошлось! Лица, ты же понимаешь о чем я? Вот это самое до добра не довело.

- Глупости! – Женщина встала, подхватив свои сумки. – Скучно тебе, вот и придумала небылицы.

- Я с Томкой говорила. Она уж их знает, – тихо сказала Варвара Архиповна, провожая взглядом подругу.

- Кто это?

- Директриса детдома, где жил Матвей. Она мне все выболтала. Хулиганы, как же... Да вся эта компания – хулиганы!

Лица посмотрела на огоньки. Она мало что понимала. Варвара Архиповна говорила так много, и так мало одновременно. Добавляя свои эмоции, собственные суждения, она упускала самую сердцевину – суть.

- А мне с Тamarой можно поговорить? – Вот кто знает все.

- Понимаю, такой материал для статьи упустить нельзя, – Варвара Архиповна сказала это с такой важностью, словно она редактор журнала. Да редактор не простого города, а самого Парижа.

- У меня редакционное задание: собрать новости о городе. А пока только о Громком получилось найти. Точнее, он сам очень красноречиво рассказал о себе.

- Громкий... А дела по-тихому делает, – она засмеялась. – У нас так говорят. Но о нем действительно плохого никто не скажет. Может, нет ничего, или не знают.

- И что же тут интересного? Для статьи текст, где никого не ругают, – это трагедия. А вот убийство раскрыть, представляете как глобально? И о вас можно написать, вы – почетный житель! – Лице хотелось задобрить Варвару Архиповну, чтобы получить как можно больше информации. Она заулыбалась: ею восхищались и уважали.

- Поговори с Тamarой. Если к чаю чего принесешь – язык развяжешь. Настоящее расследование получится.

- А как вы думаете, могут быть связаны Громкий с его идеальной жизнью и простой мальчик из детского дома? – Эта мысль не давала Лице покоя. Ведь Громкий занимался строительством многоэтажки для детдомовцев. В его причудливой прекрасной повседневности звучали слова о детском доме, о детях, которые были очень далеки от него. Эти связи наводили на разные мысли.

- Нет. Они даже знакомы не были. Параллельные миры, – усмехнулась Варвара Архиповна. – Богатство и бедность. Да и мотив какой?

- Спасибо. Вы очень интересный собеседник. – Это было действительно правдой, в отличие от утренней встречи. Варвара Архиповна была слегка заносчивой в своем стремлении показаться главной во всем, всезнающей, всепомнящей, но при этом оставалась искренней. Просто иногда людям хочется быть нужными.

Лица встала, подхватив свою сумку. Она тоже небесцельно ходила по торговому центру, поэтому сумка заметно потяжелела.

- Подожди, а ты мне не расскажешь о жизни в твоём городе? – опомнилась Варвара Архиповна. Она так много выдала, но не получила ничего взамен. Что же ей пересказывать?

- В другой раз. До свидания.

Варвара Архиповна посмотрела. В другой раз, так в другой. Или она думает, что его не будет? Она просто не знает лучшую заведующую архивом Варвару Архиповну.

Вечер был по-особенному загадочным, как бы в такт сложившейся ситуации. Небом простлались несколько ярких малиново-фиолетовых полос, летящих в ту сторону, где когда-то было солнце, словно вдогонку за ним, а далеко на востоке все было черным.

Голова у Лики гудела от переполненности информацией, ноги ломились от усталости.

Целый день – мелькание людей, приторный чай и такой же приторный и притворный Громкий, перепалки между двумя женщинами, убийство, которого все боятся, но до сих пор Лике никто ничего не сказал...

Целый день плавно перетек в вечер, в котором уже не было места для разговоров и посиделок, и для работы.

Колокольчик зазвенел. Ася подняла глаза от толстой книги, в которой фиксировала всех гостей гостиницы и еще что-то. Удивительно, что книга почти вся была заполнена. Неужели сюда приезжают толпами?

Ася очаровательно улыбнулась. Она была прекрасна: добра и светла и это отражалось на ее лице, не испачканном алой помадой и слишком броской косметикой, как у хозяйки отеля.

- Лика Сергеевна, добрый вечер! Вы пропустили ужин. Я вам его в номер отправлю. – Она была неподдельно вежлива. Ее белоснежные локоны отливали золотом в вечернем свете. Или это бесконечный красный цвет производил такой эффект.

- Ася, а вы были в торговом новом центре?

- Работа, – пожала плечами Ася. – На выходных схожу.

Лика достала шоколадку и протянула девушке.

- Ой, ну что вы! – Ася засмушалась. – А вам?

- Если буду много есть, в дверь не пройду.

«Не признаваться же ей, что у меня еще три в сумке», – подумала Лика.

- А вы слышали, убили кого-то? – Лика начала издалика.

- Да, такое происшествие. О нем все слышали.

- Часто такое? – Лика уже задавала этот вопрос Варваре Архиповне. Но так и не поняла, что имелось в виду за причитаниями и устрашающими угрозами женщины.

- Убийство впервые. А так и кражи бывали, и сумасшедшие ларек сожгли... Провода часто воруют.

- За что же его убили?

Ася удивилась.

- Вы знаете человека, которого убили?

- Варвара Архиповна...

- Все понятно, – Ася улыбнулась еще теплее, чем прежде, вспоминая эту милую старушку. – Я его лично не знала. Матвей, вроде. Все говорят о хулиганах. Но я особо не интересуюсь.

- Разве это не интересно? – Лика настойчиво посмотрела.

- Это страшно, что в мире, в котором мы живем – то есть совсем рядом, ходят люди, способные убить. – Она стала серьезной и немного грустной.

- А можете мне адрес детдома найти? Где он жил, там еще директор Тамара...

- Хотите об этом написать? – Ася открыла нижний ящик шкафа в поисках бумаги.

- Пока думаю. Только никому не говорите о моих расспросах, пожалуйста. И хозяйке отеля.

- О, это сколько угодно, – засмеялась Ася. – Она с персоналом не разговаривает.

Она нацарапала на кусочке листка розового цвета адрес.

- Детдом в нашем районе один. Через две улицы от гостиницы. Раньше еще был подальше, окружен лесом. Его закрыли из-за аварийного состояния. Остальные в другом районе.

- Спасибо! – Лика улыбнулась в ответ. Ася была очень приятной и доброжелательной, каким-то лучиком всего хорошего в этом королевстве алых страстей и интриг.

Лика уже намеревалась отойти, но потом резко повернулась.

- А, правда, здесь так страшно жить, что никто не приезжает? В город детдомовских детей?

- Не знаю. Мне – не страшно. – Ася посмотрела в окно. – Мне кажется, город как город. Ну и что, что большинство взрослых – это несчастливые дети? Они ведь... Как все.

- Я тоже так думаю.

Глава 7. Отголоски прошлого

Утро, серое и размытое, в объятиях тонкой белой пелены тумана, опустилось над городом. Ветер еще раз завыл: пронзительно и безучастно к судьбе бедных продрогших деревьев. Листьев на них больше не видно, они стали мягкой и скользкой подстилкой земли, только ей от них разве теплее?

В такой грустной и сонной обстановке больше всего хочется остаться дома и спать.

Ли́ка перевернулась на другую сторону и накрылась одеялом. Ей вспомнился рассказ Михаила Пришвина: «Листик за листиком падают с липы на крышу, какой листик летит парашютиком, какой мотыльком, какой винтиком. А между тем мало-помалу день открывает глаза, и ветер с крыши поднимает все листья, и летят они к реке куда-то вместе с перелетными птичками».

И эти листья улетят. Когда же этот день откроет глаза, чтобы стало ясно?

Писатель писал, что все улетят – и журавли, и гуси, и грачи...

«Грачев», – всплыло в памяти. Эта фамилия, выгравированная на странной табличке в виде крыльев птицы, скрывала за собой какую-то необъятную тайну, она предвещала опасность. Но что может остановить человека, который уже запланировал расследование?

Именно это стремление заставило Ли́ку подняться, надеть все самое теплое, что тайком положил Егор, и отправиться в детдом.

Ли́ка постучала в дверь, она открылась от одного прикосновения.

Почти такой же кабинет как у Елисеи Павловны: ничего современного, старые шкафы, потрепанные папки, картотека во всю стену, радио как привет из прошлого. Обои темно-бордовые. Ничего общего с современным и модным кабинетом Громкого. Странно, что они оба существуют в одной реальности, но выглядят так по-разному.

Директор детского дома сидела за столом. Мягкий, уютный свитер, яркие глаза темные, почти черные и такие же ресницы, волосы идеально уложены. Сочетание несочетаемого.

Она улыбалась не доброжелательно и не притворно, а как-то оценивающе и повседневно, так словно она всегда была с этой улыбкой. Она была человеком, которого невозможно раскрыть, прочитать по первому взгляду.

- Тамара Петровна? Добрый день! Я – Ли́ка, журналистка. Можем поговорить? – Ли́ка предполагала, что о том, что она прибыла в Витево, знают многие и многие захотят подружиться с ней, чтобы попасть на первую полосу модного журнала. Никто не задумывается о том, кому вообще нужен этот журнал, главное – престижный.

Тамара Петровна расцвела в широкой улыбке. О журналистке она не знала, но догадывалась, что это идея Виктора Леопольдовича. Только ему такое по карману. О его желании заявить о своих добродетелях знал весь город, даже не особо приближенные или не приближенные вовсе.

- Добрый день! Проходите. О нашем детском доме хотите узнать? – Тамара Петровна устало посмотрела на Ли́ку. К допросам или расспросам она в последнее время привыкла. Ей досталось. Полиция навещала ее с вопросами о случившемся, о том самом воспитаннике, который принес ей столько хлопот, что в детстве, что сейчас. Хотя он давно покинул стены этого детского дома, неприятности продолжались. И снова вопросы...

Ли́ка села напротив Тамары Петровны в жесткое неудобное кресло и вспомнила, как было приятно сидеть в кожаном мягком кресле в кабинете у Громкого. Капитализм все-таки комфортнее.

- Пишу статью о вашем городе, о вашем известном меценате – Викторе Леопольдовиче. Он, конечно же, и вам помогает?

Тамара Петровна мысленно вздохнула. Она уже успела подумать, что и этой девице хочется узнать о том самом мальчишке и о том, что произошло. Но ей был нужен Громкий. Значит, она права и бизнесмен решился нырнуть в очаг славы и популярности, вынув из кармана пару пачек денег. Для журналистки.

- Да, он очень хороший человек. Помогает нашему детскому дому. У нас замечательная детская площадка с его помощью появилась. И в целом состояние нашего детского дома гораздо лучше, чем других. В нашем городе.

Тамара Петровна замолчала. Виктор Леопольдович не давал ей никаких установок по поводу прихода журналистки и о том, что нужно говорить. Он вообще мало с ней общался, остерегаясь ее просьб о реальной помощи детям. Красноречие и действенность идут не рука об руку.

- А вот происшествие... Убийство в вашем городе...

- Я ждала этого вопроса. – Тамара Петровна горько улыбнулась, оставаясь спокойной, хотя внутри передернулась. Вот и накаркала сама... Кто же пройдет мимо такого события. А особенно эти писаки! – Большой резонанс. Все говорят, вот и до вас дошли эти жуткие новости. Увы, всем более интересны скандалы, чем жизнь детей.

- Происшествие произошло с одним из ваших бывших воспитанников, – начала Лика, наклонив голову на бок. – Это ведь тоже о жизни города, о жизни детей, просто повзрослевших?

«Ну и что? При чем здесь я?» – подумала Тамара Петровна.

- И все пути ведут в детский дом, поскольку тут он провел большую часть жизни.

- Вам что писать больше не о чем? – спросила директор детдома раздраженно. – В одной статье и о Викторе Леопольдовиче, и об убийстве?

- Статья большая. Целый комплекс статей. Обо всем напишу. Но я не думаю, что они связаны – Громкий и убийство. Или не так?

Тамара Петровна прикусила губу. Она была зла на себя за последнюю фразу, зачем она вывела журналистку на эту мысль.

- Нет, конечно, – Тамара Петровна засмеялась. Неуверенно. – Где Виктор Леопольдович, – Тамара Петровна вскинула руку к потолку и опустила ее. – А где...

Она не спешила говорить, что крайне не нравилось Лике.

Лика помнила поучения Варвары Архиповны, она достала из пакета коробку конфет, к которой в гостинице приклеила конверт.

- Я буду очень благодарна за информацию. Хочется чего-то поострее.

Тамара Петровна цепко взяла подарок и быстро спрятала. Девица оказалась приятным собеседником, понимающим.

Женщина встала и подошла к окну. Нужно рассказать много, не рассказав при этом ничего.

- Убийство! Это всегда ужасно... – Тамара Петровна вскинула руки. Ее актерскому таланту позавидовали бы. – Страшное событие, которое потрясло весь город.

Лика повернулась в ее сторону. Сквозь окно, трещинки на деревянной раме пробивался тусклый серый свет.

- Но, как бы страшно не звучало, это ожидаемо, – продолжила Тамара Петровна, рассматривая детвору, бегающую по саду.

- Часто убийства происходят? – Лика постучала пальцами по столу. Этот вопрос она задавала неоднократно, чтобы услышать множество ответов и понять какой правдивый.

- Нет, убийств не случалось. Или случались, но далеко, давно, не затрагивая нас. Это полиция статистику ведет, – она усмехнулась.

- Почему это ожидаемо?

- Ожидаемо то, что таких людей беды не обходят.

Тамара Петровна подошла к шкафу в самом дальнем углу, который вот-вот рассыплется от старости. Вперемешку на полках лежали разные папки. Директриса вытащила толстый альбом, стряхнула с него пыль.

- Это альбом с фотографиями с новогодних праздников. – Тамара Петровна положила альбом перед Ликой и начала медленно листать страницы. – Мы устраиваем показательные концерты каждый год и все фиксируем. Вот он.

Тонкий палец Тамары Петровны уткнулся в абсолютно обычного мальчика в группе непримечательных детей.

- Ребенок как ребенок. – Лика не понимала, почему его беды не должны были обходить, по мнению директрисы.

- Матвей Костромской. Его так звали...

Тамара Петровна обвела пальцем еще двух детей. Они немного отличались взглядами: у Матвея глаза были добрыми, открытыми, у другого, рядом стоящего мальчика одинокими, холодными, расчетливыми. Третий смотрел исподлобья злым, слегка напуганным взглядом, точно зверь, загнанный в угол.

- Три друга. Не разлей вода. Матвей, которого постигла такая участь. Спортивный, умный, добрый, справедливый. Занимался спортом, любил борьбу. Арсений Степнов. Очень хороший, отлично учился, математик, тихий. – Тамара Петровна показала на второго слева, а после перевела палец в сторону. – И главная причина моих седых волос – Алексей Зверин. Неуправляемый, озлобленный. Даже жестокий.

- Это сколько же лет назад было?

- Им сейчас около двадцати пяти лет.

- И вы их так хорошо помните? – удивленно спросила Лика.

- Я помню каждого. Я живу рядом с ними уже тридцать лет.

Тамара Петровна отвернулась, пока Лика изучала альбом, и обхватила себя руками. Она пришла сюда, когда ей едва исполнилось двадцать. Ненадолго, ради опыта. Но уход престарелой директрисы и быстрый карьерный рост Тамары заставили ее остаться. Детей она не любила, но и ненависти не испытывала. Они были как папки в шкафу – элементами ее работы. Каждый день сотни предательств, обманутых надежд и разбитых судеб заставили ее разочароваться в людях, а дальше и в детях. Они не становились лучше, не ломали предписанную им судьбу и не вырывались вперед, а продолжали гнить в болоте, предначертанном еще в детстве. Со временем она стала отличать подопечных детей как другой сорт, разделяя их словно яблоки.

- Такие разные и дружили? – Лика отвлекла женщину от мыслей и воспоминаний.

- Да. – Тамара Петровна обошла стол и села в кресло. – Они все поступили к нам в разном возрасте. Первый – Алексей, совсем ребенок. От него отказались, сперва он был в доме малютки, а дальше к нам. Потом Матвей. В осознанном возрасте. Его родители погибли в автокатастрофе, приличная семья. И Арсений. Желание выжить в довольно сложных условиях и противостоять обидчикам заставило их сплотиться и стать одной командой.

- Как тимуровцы?

Тамара Петровна засмеялась.

- Неверное слово. Скорее бандой.

- Банда? Они запугивали и обижали других детей? Или безобразничали?

- Ну, безобразничают все дети. Просто они были такими сплоченными, всегда вместе. Друг за друга. Никто не рисковал стоять у них на пути. Хотя был момент, когда их союз почти распался. Алексея хотели усыновить.

- Алексея? – Лика удивилась. – По вашим описаниям, его характер был не таким уж и дружелюбным.

- О, да. И так бывает, – Тамара Петровна развела руками. - У нас работала женщина, Анна. Она Алексея как сына любила. Не понимаю почему. У нее было две дочери – Любовь и Людмила. Они часто приходили, Анна растила их одна. И Алексей к ним очень привязался. С девочками как с сестрами играл, общался. Даже характер его смягчился.

- А Матвей, Арсений? Они не обижались, не завидовали?

- Эти встречи быстро прекратились. Дело в том, что комиссия не дала разрешение. Анна без мужа, зарплата небольшая, дети свои. Она после этого очень расстроилась, болела, и потом уехала из города. Она ведь обещала, а обещание не сдержала. Алексей болезненно это воспринял. И стал еще хуже себя вести...

Тамара Петровна замяла пальцы. Эта история не была такой однозначной, как в ее рассказе, поэтому она старалась ее забыть.

- Я думаю, его друзья обрадовались, что он остался. А после детдома они поддерживали связь или разбежались? – Лика все пыталась выйти на нужный след. Она все еще не понимала, как история детства Матвея связана с его гибелью, и почему это было ожидаемо.

- Их дружба стала крепче, – Тамара Петровна скрестила пальцы. – После детского дома Арсению удалось поступить в техникум. Он разбирался в компьютерах, по этому профилю. Матвей работал в спортивной секции. Он очень любил детей, слабых защищал. А Алексей... Не учился, не женился. Работал какое-то время.

- Алексея вы недолюбливаете, – улыбнулась Лика. В ее рассказе он был просто сущим дьяволом, но ведь кто-то хотел его усыновить и смог полюбить как сына, значит не так он и плох?

- Недолюбливаю, – согласилась директриса. – Из-за него все. Матвей считал его младшим братом. Он любил его, не мог с ним разлучиться. Без него, без старшего брата, Алексею было бы трудно. И Матвей это понимал.

- А Арсений?

- Арсений всегда был на задворках, но держался за эту дружбу как за спасательный круг. И именно из-за этой привязанности их компания сохранилась. А если бы нет? Они бы распались, Матвей мог бы вырваться и жить?

Тамара Петровна отвернулась. Она просто ненавидела такие сплоченные союзы, которые были словно секты. Связи, которые прочно сдерживали. Всем своим воспитанникам она говорила о том, что нужно пытаться выкарабкаться из нищеты, из маленького города, из тьмы, нужно учиться, искать, уезжать за лучшей судьбой.

- Вырваться? – не поняла Лика.

- Детям из детского дома трудно адаптироваться в жизни, и если они объединяются, то потом уже не могут самостоятельно справиться с чем-то. Подстраиваются, остаются рядом. А ведь могут строить свою дорогу сами, преодолевать ее, добиваться успеха. Понимаете? – Тамара Петровна старалась объяснить те идеи, на которых строила и свою жизнь, которым учила всех других.

- Разве дружба это плохо? Поддержка, понимание, возможно дети этого хотят?

- В детстве. А во взрослой жизни – каждый сам себе друг. Алексей, Матвей, Арсений... Они застыли в этом кругу, сдерживали друг друга от действий. Арсений мог бы работать с компьютерами, Матвей уйти в спорт. Жизнь была бы яркой, счастливой, были бы деньги, семья. Смысл.

- А Алексей?

- Алексей бы сгинул, – мрачно ответила Тамара Петровна. – Он не отличался целенаправленностью.

- Вы думаете, чтобы спасти Алексея с ним рядом оставались его друзья, не отдалялись, не строили свою личную жизнь? – подвела итог Лика, удивляясь абсурдности этих выводов. – А если это и была их жизнь? Если их это устраивало?

- Но ведь Матвея убили.

- Как это связано?

Тамара Петровна уставилась на журналистку. Ей казалось, она точно знает, как это связано. Но нужно ли делиться с ней своими мыслями?

- Вы думаете, они занимались чем-то незаконным? – догадалась Лика. Как было трудно следить за ходом мыслей директрисы. Она так много философствовала, и так мало рассказывала нужного.

- Нет. Не знаю, – Тамара Петровна сбилась. – Они постоянно скрывались, в общежитии не жили. Какой-то странный образ жизни, словно вечный побег.

Это ее очень раздражало и наводило на мысли. Зачем скрываться, если ты законопослушный гражданин?

- Вы подозреваете их в чем-то? – Лика поняла, что Тамара Петровна их не подозревает, а точно знает.

- Я их знаю с детства. Это дает мне право рассуждать...

Тамара Петровна запнулась. Правда или ложь? Но ведь она и правды всей не знает, лишь обрывки, ее личные догадки. Лучше увести журналистку подальше от своих догадок, а то эта правда приведет и к ее делам.

- В нашем городе есть наркоманы, – выпалила она после паузы.

«Вы серьезно?» – Лика посмотрела на бордовые обои, чтобы не засмеяться.

- И главный среди них – Шадрин. – Тамара Петровна мысленно облегченно вздохнула. Об этом человеке знали все. Ничего тайного она не раскрыла. – Он тоже рос в этом детском доме. Но был старше Матвея и его друзей. Говорят, хочешь разбогатеть – иди к нему. Он распространяет запрещенные вещи.

- Они общались?

- Могли, – пожала плечами директриса. – В одном детском доме жили. Многие детдомовцы работали с ним. Я, конечно, всегда пытаюсь остановить их.

- Они скрывались, потому что выполняли что-то противозаконное, что поручал им Шадрин? – попыталась логически связать всю информацию Лика.

- И деньги у них были.

- Откуда вы знаете? – Лика все больше убеждалась в том, что директриса и ее бывшие подопечные держали связь друг с другом. Зачем? Но не могла же она быть четвертой в их союзе?

- Город небольшой. Мелькали перед глазами. На что-то же они жили. Значит, деньги есть, – махнула рукой Тамара Петровна.

- Эта работа стала причиной его смерти? В хулиганов вы не верите?

- Это одна из версий. Я же не полиция, – напомнила Тамара Петровна. Эту фразу она уже говорила.

- И как найти его? Шадрин?

- Зачем? – спохватилась директор детского дома.

- Хочу провести свое расследование. – Лика хитро улыбнулась. Материал собирался просто отличный.

- Не знаю. Может быть в Интернете? Через социальные сети? О нем знают многие. Слухи ползут быстро. А когда обсуждать особо некого, то такой персонаж – просто герой.

Лика поерзала в неудобном кресле.

- Меня удивляет кое-что. Матвей занимался спортом. Но его убили. Он ведь был сильным, наверное, быстрым, почему не убежал, не оборонялся? Вас это не удивляет?

- Не знаю. Может, все было внезапно, не успел среагировать. – Тамара Петровна немного устала вести этот разговор. Ей не были интересны подробности этого дела. И хотелось не быть вмешанной в него, даже не упоминаться рядом с этим трио. – Конечно, есть и наша вина в его

гибели. Не дали должного воспитания. Но у нас их много. Мы пытаемся донести до каждого ценность жизни. А эти дети уходят и становятся монстрами, пожирающими друг друга. И даже самих себя.

- Арсений или Алексей могли его убить? – Эта версия пришла Лике в голову только что. – Ссора?

- Исключено. Такой крепкой дружбы я никогда не видела. Я могла бы подумать на Алексея, зная его сложный характер. Но нет. Матвей для него как маяк. Он все делал, так как говорил Матвей. Он жил, потому что Матвей давал ему направление. Даже не знаю, как он будет дальше... А Арсений очень порядочный, замечательный человек.

- Где они живут или скрываются, вы не знаете? – Лика больше утверждала, чем спрашивала.

- Они прописаны в общежитии. По факту – они могут быть где угодно.

- Спасибо вам. Отняла у вас много времени, простите.

- Была рада помочь. – Тамара Петровна с радостью подумала о подарке в ящике ее стола и уныние улетучилось.

Лика встала и направилась к двери. Тамара Петровна тоже встала.

- Лика, – позвала Тамара Петровна.

Вдруг ей стало жаль эту журналистку – милую, совсем нехитрую. Зачем ей падать в этот мир, в эту бездну проблем и черных пятен.

Лика обернулась.

- Вы хорошая девочка. Я вижу. Домашняя. Не связывайтесь с этой историей. Это опасно. Никто из нас не виноват, что у них, у детей этих судьбы такие. Несчастливые. И они как неприкаянные... Что же мы можем сделать? Мы не родители, чтобы думать о них.

- Мне кажется, дети не были бы несчастными и неприкаемыми, если бы мы думали и что-то делали для них.

Лика вышла во двор детского дома, где уже не было ни одного ребенка. То ли из-за погоды, то ли было очень поздно для прогулок. Темнело. Погода ухудшалась с каждой минутой: ветер усиливался, подбрасывая мокрые листья все выше, небо померкло в серых тучах, расплывавшихся над головой.

По дороге в гостиницу Лика забрела в местный парк. К удивлению людей было много, несмотря на погоду, они не убегали от холодных порывов ветра, не спешили домой, просто гуляли, словно на небе яркое майское солнце.

«Наверно здесь погода и хуже бывала», – подумала Лика.

Лика выудила телефон из сумки, набитой всяким хламом, и набрала номер Егора.

- Егор, привет! Ты можешь говорить?

- Да, я дома.

- А я гуляю по парку. Очень неплохо тут. – И в целом это было правдой. – Занят, телевизор смотришь?

- Порядок навожу. У тебя тут хаос, – вздохнул Егор.

- Ничего не трогай там! У меня все систематизировано, – рассмеялась Лика.

- Почему ты так долго не звонила? Я уже беспокоюсь.

Лика подошла к деревянной лавке, но сесть не рискнула. Она вся была мокрая, в налипших листьях.

- Я же тебе писала сообщения. Ты на работе, не отвлекаю.

- В любой момент взяла и позвонила!

Егор принялся отчитывать Лика, вспоминая все опасные ситуации, в которые может попасть человек и в которые попадала Лика, и в целом о страшной криминальной обстановке.

- Ладно, я к тебе с просьбой, – наконец вставила Лика, прервав монолог брата.

- А как иначе!

Услышав просьбу о помощи в расследовании убийства Матвея для написания интересной статьи, Егор пришел вне себя от ярости.

- У тебя же был знакомый здесь в Витево в полиции?

- Во-первых, не мой знакомый, а родственник одноклассника, а во-вторых для тебя там никого нет!

- Устрой мне с ним встречу!

- Хочешь влезть во что-то? Категорически запрещаю тебе лезть. Шерлок Холмс.

- Только беседа. Иначе я сама буду расследовать. А так он все меня сам расскажет. – Наверное, этот самый логичный ответ сможет переубедить Егора.

- Он может не заниматься этим конкретным делом. Я подумаю.

- Спасибо! Ты самый лучший брат!

- Я еще не решил ничего.

- Говорят, здесь не так часто что-то происходит. Тем более убийства. Поэтому эта информация будет бомбой. Постарайся. Ради меня.

- Как ты там, так сразу убийство! Пообещай, что поговоришь и сразу домой?

Лика согласилась, глубоко в душе понимая, что пока не разберется с этим делом никуда не уедет.

- Ты тепло одеваешься? Ешь хорошо? – Егор быстро перевел тему, поскольку говорить о расследовании с Ликой, которая непременно куда-то влезет, он не хотел.

- Конечно, и одеваюсь, и ем.

- Не одни сладости есть надо, – напомнил Егор.

- Все, пока. Иду в гостиницу.

- И на улице долго не ходи.

Лика отключилась. Она наконец-то почувствовала запах свободы вдали от опеки брата. Не то чтобы он был слишком занудным и не давал разгуляться, но из роли главного в семье никогда не выходил и считал, что все нужно проконтролировать. Все-таки командировка – это неплохая идея Марка. Одна их немногих – удачная.

Лика улыбнулась, вспомнив Егора и пошла дальше.

Где-то недалеко от нее, через сотню метров, пробежал парень в спортивном костюме, слишком тонком для сегодняшней погоды.

Его лицо показалось Лике таким знакомым, словно она десять минут назад смотрела на него. Точнее она видела его, но гораздо моложе, ребенка.

«Это Алексей?» – промелькнуло у нее в голове. Мальчик с фотографии, которую показала Тамара. Сейчас он, повзрослевший, был так близко.

- Это судьба, – сказала сама себе Лика. – Нужно продолжать расследовать...

Алексей все быстрее отдалялся, не замечая никого. Сосредоточившись на беге. Но что-то отвлекло его.

Он оглянулся. На мгновение их взгляды встретились. Лед столкнулся с пламенем.

Глава 8. Главная улика

Лучик за лучиком свет пробирался сквозь тучи. С тех пор как Лика приехала, солнце стало чаще посещать небосвод над городом.

Лейтенант Трубачев сегодня был готов к покорению сердца дамы как никогда прежде. Форма, уложенные на один бок волосы и фирменная улыбка. Для солидности он взял папку, в которой томились пустые листы. Образ настоящего героя портил только пакет с едой, но от обеда отказываться – дело неверное.

В парке было пусто, слишком рано для прогулок – все разбрелись по делам. На лавке сидела только одна девушка с шикарными локонами, отражающими блики солнца. Из-под ее пальто выглядывал ажурный край малинового платья.

«Красивая, – отметил лейтенант. – Мне подходит».

- Здравствуйте! – Лика помахала рукой. Она без труда узнала в молодом мальчишке с прилизанными светлыми волосами и глуповатой улыбкой коллегу брата. Егор описал ее потенциального помощника всего двумя словами, но они очень точно подходили ему.

Он спешил к Лике, почти бежал.

- Лейтенант Трубачев, – деловито протянул руку, сделав самый серьезный и важный вид.

- Спасибо, что согласились встретиться, – Лика улыбнулась, пытаясь быть вежливой и доброжелательной, чтобы он рассказал все, что знал. – Меня зовут Лика.

Трубачев сел на лавку.

- Тимошев сказал мне, что встреча будет с приятной девушкой. Не обманул, – он весело рассмеялся.

- Егор сказал, в чем суть вопроса? – Лике хотелось поскорее перейти к главному, шутливое настроение лейтенанта ее понемногу раздражало.

- Подождите, подождите... – рука Трубачева скользнула в карман. Он достал блокнот и пристально стал изучать первую страницу. – Я сейчас скажу вам. Сегодня в восемь. Или лучше в семь? Нет, в восемь.

- Что в восемь? – Лика недоумевала.

- Я буду свободен в восемь вечера.

«И что?» – чуть было не выпалила Лика. В ее голову закралась мысль, что Егор поведал Трубачеву совсем не о том, что от него требовалось. Неужели брат устроил ей свидание с этим мальчиком?

- А вы что делаете в восемь?

- Работаю. Весь вечер, – отрезала Лика. – Статью пишу.

- О Костромском? – Он спросил так, будто это было сплошной глупостью, и он не понимал, как можно променять свидание с ним на написание статьи о таком мелком человеке.

- Не совсем. Но мне бы хотелось узнать...

- Пикантные подробности, – перебил Трубачев и вздохнул. Он осознал, что эту любовную вершину ему не покорить, и от него нужны только сухие факты.

Лейтенант достал из пакета пирожок и принялся есть. Какая разница, что о нем подумают? Если он не смог обаять девушку в первую минуту знакомства, нечего и пытаться. А остаться голодным он не хотел.

- Можно и так сказать, – кивнула Лика.

- Их нет, – спокойно ответил Трубачев, разрушив надежды Лики. – Вот все считают, что убийство это невероятное приключение, такая история, обязательно с тайнами из прошлого...

- Кто убил? Зачем? – Лика прервала его бредовые мысли.

- Не знаю, – пожал плечами Трубачев, доедая пирожок.

- Вы не знакомы с этим делом? – Лика начинала закипать. Кого ей подсунул Егор?

- Увы, знаком, – засмеялся лейтенант.

- Давно это произошло? – Лика вдруг поняла, что никто не говорил ей дату происшествия.

- Неделю назад. Чуть больше, – махнул рукой мальчишка. Он заглянул в пакет и с радостью обнаружил второй пирожок.

- И ничего неизвестно?

Трубачев отвлекся от еды. До него дошло, в какую сторону клонит Лика. Она думает, что они ничего не делают.

- Установлена личность убитого, – отпарентовал он. – Не повезло парню... Как это бывает: не в том месте, не в то время... Хулиганы.

- И часто такое бывает? – Лика помнила, как охала Варвара Архиповна, рассказывая, что такое произошло впервые за много лет и отныне криминал поселится в этом городке.

Трубачев опять пожал плечами.

- Правду говоря, он и сам был опасен. Сильный парень.

- Его ограбили? – Лика пыталась вытянуть из него сведения. Но потеряв к ней интерес, Трубачев не спешил раскрывать душу.

- Да что у него ценное? Просто шел, темный переулок, ударили ножом.

Трубачев доел и достал салфетки. Ему начинал надоедать этот допрос.

- Должны быть цель и мотив, – настаивала Лика.

- Это вам брат рассказывал? – усмехнулся лейтенант. - О целях и мотивах... Так у хулиганов их нет. И вообще... Городок у нас маленький, люди небогатые. Брать нечего. Или хулиганы, или свои с ним расправились...

Детская наивность и глупость не украшали лейтенанта.

- Свои?

- Детдомовцы, – пояснил лейтенант. – Он же из детского дома. Да, жестокие там ребята. Если искать, то в его окружении.

Впервые он озвучил умную мысль, что не могло не радовать Лику. Ей показалось, что она схватила за ниточку в этом запутанном деле.

- Искали? – с надеждой спросила Лика.

- Да, – кивнул Трубачев и грустно добавил: Не нашли. В общежитии он не живет, то есть не жил. Друзья его тоже.

- Алексей и Арсений?

- Да. Никто их не видел долгое время. Что они уж там делали? – Трубачев обращался сам к себе. – А результат – убийство.

- А как его убили? Ударили ножом? Я столько слышала об убийстве, но никто не говорит как...

- Любите кровавые подробности? – он улынулся, оскалив зубы.

- Нет, – строго ответила Лика. С каждой минутой он раздражал ее все больше.

- Да, его ударили ножом. В бок. Умер около полуночи.

«Нет, все-таки есть от него толк», – подумала Лика, стараясь быть лояльнее к юному правоохранителю.

- А нож? – вспомнила Лика.

- Есть фотография. – Трубачев достал телефон из кармана и принялся водить пальцем по экрану.

- Его изучили? Следы? Отпечатки?

Трубачев нашел фотографию и отдал Лике телефон. Нож был красивым, слегка продолговатым, серебристым с цветами, выгравированными на рукоятке.

- У нас только фото. Его не изучишь, – разумно предположил Трубачев.

- А сам нож?
- Пропал. С места преступления.
- Но его же успели сфотографировать?
- Да. После пропал.
- Разве такое возможно? – гневно воскликнула Лика. – Кто его взял?
- Тот, кому он нужен.

Лика устала от логичных и простых ответов Трубачева, которые ничем ей не помогали.

«Как можно быть таким идиотом?» – подумала она.

- И без него все понятно, – махнул рукой Трубачев. – Как говорит Леопольдович, местный олигарх, дело успехом не закончится. Но об этом в своей статейке лучше не писать.

Вдруг до Трубачева дошло, что он слишком много разболтал, начальство может не одобрить.

- Учту, – процедила Лика. Еще он учить ее будет!

Лика встала, готовясь попрощаться. Больше лейтенант ей ничем не поможет, а мириться с его глупостью и безалаберностью она уже не могла.

Трубачев растерялся:

- Уже уходите?

Он выудил из папки визитку. Впервые он пользовался личными визитками, случая до этого подходящего не было. А ведь он напечатал целую пачку...

- Мой номер. Звоните, – милостиво разрешил он. – И еще... С восьми я свободен.

Надежда вновь ярким огоньком загорелась в его глазах. А вдруг? Вдруг она поймет, какой бриллиант может ей достаться?

- Обязательно. – Лика улыбнулась и быстро ушла.

Сделав несколько шагов, она скомкала визитку и сунула в карман, подумав, что выкидывать сейчас неудобно. Главное, не забыть сделать две вещи: выкинуть эту бумажку и поблагодарить Егора за бесценного помощника.

Каким бы утомительным ни был разговор с Трубачевым, ничего полезного он не принес, а только подтолкнул Лику к самостоятельному поиску. В первую очередь нужно отыскать Шадрина. Именно на этой фамилии делала акцент Тамара Петровна.

Лика отодвинула тарелку с апельсинами, собрала конфетные фантики с маленького столика, освобождая место для ноутбука.

За окном уже стемнело, движение на улице затихало. Где-то свет вспыхивал яркими желтыми лучами сквозь уличные фонари, где-то пропадал в окнах многоэтажек.

Лика сбавила громкость телевизора и села в мягкое кресло. С каждым часом проведенным здесь, гостиница ей нравилась все больше. Был в ней определенный ... уют. Уют провинциальной гостиницы. Может, красный цвет так на нее влиял, форматировал ее сознание. По утрам он помогал взбодриться, по вечерам, когда светил только прикроватный светильник, темные стены создавали атмосферу девятнадцатого века – что-то английское.

Тряхнув мокрыми волосами, абстрагируясь от антуража, Лика принялась за работу.

Через час она с грустью обнаружила, что человека с фамилией Шадрин из Витево нет ни в одной социальной сети, ни в блогах. Единственное упоминание этой фамилии было на сайте дома детского творчества, который находился в этом городе. Дом творчества назывался «Шадрин лес».

Лика усомнилась, что дом творчества и тот самый Шадрин как-то связаны, но все-таки приняла решение сходить туда.

О проекте Громкого в Интернете тоже не было информации. И о самом бизнесмене было мало сведений.

Ли́ка подошла к окну, где уже царила глухая ночь. Она прокручивала в голове все, что знала. Этого было мало. Крайне мало, чтобы воспроизвести картинку.

Где-то за тонким стеклом окна, по которому скользили ее пальцы, за сотни метров от нее текла жизнь людей, в которую она так неприлично открыто вторгалась. Кто-то крепко спал, кого-то мучили кошмарные сновидения, кто-то продумывал, что будет дальше. Кто-то задумчиво смотрел в окно, рисуя на нем невидимые хаотичные узоры, также как Ли́ка, пытаясь найти ответы, вглядываясь в самую ночь.

Глава 9. Начало

Дом творчества «Шадрин лес» находился в другом районе города. Двухэтажное кирпичное здание стояло в гуще изумрудных елей, поэтому на фоне привычного пейзажа – голых деревьев, опавших листьев, казалось, что лето не покидало этот маленький уголок.

Стены с одного края по другой завешаны детскими рисунками, из далеких уголков доносились песни, музыка, звучали скрипки и пианино.

За школьной партой сидела девушка – молодая, беловолосая, приветливая, почти как Ася. Она ласково осведомилась, за каким ребенком пришла Ли́ка, и какой кружок он посещает. Услышав ответ, немедленно предложила записать его на занятия.

- Рисование, вокал, хореография, лепка из глины? Художественный свист? – перечисляла она.

- У меня нет детей.

Дежурная посмотрела слегка осуждающе, потом она догадалась о причине визита.

- Увы, наш дом творчества только для детей.

Она развела руками.

- Я могу поговорить с Шадриным?

- С кем? – не поняла девушка.

- Шадрин? – Ли́ка показала на табличку с названием над ее головой.

Дежурная засмеялась – звонко, а потом посмотрела на Ли́ку, словно на ненормальную.

- Так вы опоздали. Лет на сто. Дом творчества назван в честь художника, который писал красоту этих краев. И умер в прошлом или позапрошлом веке.

- Другого нет?

Дежурная отрицательно закивала головой и переключилась на другого посетителя, который, в отличие от Ли́ки, пришел по назначению.

Ли́ка была уверена в безрезультатности посещения этого места, но все же надеялась.

Она прошла к выходу и заметила презрительный взгляд старой женщины, ожидавшей ребенка.

- Ты не похожа на ту, которой нужен Шадрин, – выпалила она.

Ли́ка с интересом посмотрела на нее. Кажется, все-таки не зря пришла.

- Почему?

Женщина не ответила. Она поджала губы и со всей возможной злостью отчеканила:

- Не найдешь его здесь. В городе. Не ищи!

- Мы говорим об одном и том же человеке? – на всякий случай спросила Ли́ка.

- Конечно. Не о художнике же...

Женщина плюнула и поспешила отойти. Шадрин стал причиной ее личной драмы, и ее отношение к нему подтвердило Ли́ке, что Тамара Петровна была права в своих домыслах о торговле чем-то незаконным.

Ли́ка вышла на улицу.

Лиловая полоса пересекла небо, соединяя запад и восток, в небольших лужицах отражался этот необыкновенный цвет, стирающий серость, привычную городу. Утром опять шел дождь, благодаря которому и появились эти лужи, напоминающие сейчас зеркало, в которое смотрит небо.

«Как быстро здесь темнеет», – подумала Лика.

Лика побрела по улицам. Темнота быстро заполняла их, в ней тонуло все вокруг. Одна улица сменяла другую, ни одну из них не освещали фонари. Наконец Лика увидела в конце узкой улочки мигающий свет. И этот фонарь, единственный в округе, грозился перестать светить.

Свет фар резко загорелся и ослепил Лику. Ей пришлось закрыть глаза и отойти. Желтая машина внезапно остановилась, заехав на тротуар. Дверь распахнулась. Чья-то холодная и сильная рука схватила Лику и с силой затащила в машину. Дверь захлопнулась, машина умчалась в темноту.

В гостинице было тихо. Приглушенный свет ламп под красными абажурами сменил яркие огни люстр. Тишина наступила такая, что по звуку стрелок часов можно было сосчитать минуты и секунды. Громче всех всегда бьет именно секундная стрелка, как бы провозглашая себя первой и главной творительницей времени.

Никто не осмеливался нарушить предночную тишину. Наверное, гости спали. Это днем здесь жизнь бурлит.

«А может, и нет», – подумала она. Она редко бывала здесь днем. Утром обычно улетала и возвращалась, когда за окном стемнеет.

Вместо Аси стояла другая девушка: темноволосая, раздраженная, хмурая. Она вздрогнула от звонкого колокольчика. Дремота ушла. Она не удосужилась улыбнуться гостям, а лишь косо посмотрела.

Лика была уверена, девушка разглядела в ее спутнике любовника и от этого раздосадовалась еще больше.

- Судя по цвету и антуражу гостиницу используют именно для этих целей, – Жорик ухмыльнулся и подмигнул девушке с темными волосами. Он был поразительно догадлив и может зря Елисея Павловна считала его недоумком.

Лика подтолкнула его к лестнице.

- А вы хорошо устроились, мисс, – присвистнул он, вваливаясь в номер и указав на кресло, спросил: Сяду?

- Все в твоём распоряжении, – Лика кивнула и скрылась в ванной.

- И конфеты? Ладно, спасу тебя. Ты же в дверной проем не пройдешь!

Он провел рукой по столу, заваленному пустыми обертками, пытаясь найти конфету.

- А ты знаешь, что кроме сладкого еще еда бывает?

- Не умничай! – донесся голос Лики.

Через четверть часа Лика вышла из ванной в белом махровом халате.

Конфет на столе стало меньше, оберток – больше. Жорик поджав под себя ногу, сидел на кресле и, не отрываясь, смотрел в экран ноутбука.

Возможно, было некрасиво предстать перед Жориком вот так, по-домашнему. Некрасиво и даже неприлично.

Но Лика точно знала: Жорику все одно. Абсолютно. Он не интересовался девушками, в его сердце было место только для ярко светящихся мониторов. Компьютер его поглощал.

В журнале все об этом знали и юные секретарши и умудренные опытом дамы потеряли всякие надежды, махнули на него рукой. Они от обиды и злости говорили о его ориентации, строили версии. Боялись признать, что ответ на поверхности – они Жорику неинтересны.

А еще он был хорошим другом Лики. И она никогда не участвовала в этих разговорах, и попыток его соблазнить не предпринимала.

- Ты напугал меня, – возмутилась Лика, усаживаясь на кровать. – Можно как-то аккуратнее было?

- Я хотел появиться эффектно, – Жорик расплылся в улыбке.

- Как ты узнал, где я?

- Любезнейшая Ася подсказала. Вечером она еще стояла, а потом эта угрюмая ее сменила, – он состроил гримасу, копируя новую сотрудницу гостиницы. – Город маленький, а районов целых три. Еле нашел тебя. Кстати, что ты делала в Доме творчества? Все-таки решила начать карьеру певицы?

Ли́ка проигнорировала его вопрос.

- Зачем приехал?

- Марк отправил меня в эту глушь! Время идет, статьи нет. А уже пора бы что-то выставить в Интернет-версии.

Сначала их журнал выходил в онлайн-режиме, а потом только в печатном виде.

- А еще он боится, что ты раскритикуешь его спонсора. – Жорик хитро посмотрел на Ли́ку. – Мы же знаем тебя! Я приехал помочь тебе.

- Кому интересно читать хвалебную статью о бизнесмене из провинциального городка, который всем помогает, все спонсирует, «поддерживает», а прибыль не получает? Да просто ангел, – хлопнула руками Ли́ка.

- Бизнесмену интересно точно. – Жорик не отрывался от ноутбука. – Он ведь заказчик.

На столе рядом с ним стояли три чашки с чаем. Все-таки оторвался и сделал что-то полезное. Ли́ка забрала у него одну из чашек.

- В этом городе есть свои тайны.

- Просто как начало триллера, – Жорик с сарказмом улыбнулся. – Призраки? Лесные мавки? Вторжение?

Ли́ка резко ударила его по голове полотенцем. Почему к ее расследованию все относятся несерьезно?

- Шутишь? Смеешься надо мной?

- Нет, – он поднял руки, все еще улыбаясь. – Что случилось?

- Странное убийство. Напуганные местные жители. Украденная улика – нож. Директриса детского дома просила меня не лезть в это дело, – перечисляла Ли́ка.

- Заговор. – Наглая ухмылка отразилась на его лице.

- Если тебе неинтересно...

- Интересно. Детальнее, пожалуйста.

Ли́ка в течение получаса подробно рассказывала обо всех своих встречах, разговорах, обо всем.

- По-моему никакой мистики. Но ведь тебе самой этого хочется? Приключений? – он с задором подмигнул.

- Мне хочется распутать этот клубок! Настоящее расследование! – вдохновенно проговорила Ли́ка. Это стало ее первоочередной задачей. – Надоело писать какие замечательные бизнесмены, которые Марка одаривают конвертами...

- Завидуешь?

- Я хочу раскрыть, обнаружить, изобличить...

- Где твоя статья? – прервал Жорик.

Этот вопрос был сложным. Статьи не было, все время уходило на расследование.

- Я ее еще не закончила, – солгала Ли́ка.

- Чем ты тут занимаешься? – недоверчиво поинтересовался он.

- Хожу, ищу, – призналась Ли́ка.

- Жениха? – он весело засмеялся. Жорику только бы пошутить. Наверно он родился в ту минуту, когда врачи рассказывали анекдоты друг другу и Жорик с рождения стал невольным свидетелем.

Ли́ка щелкнула мышкой и открыла черновик статьи.

- Читай! – велела она.

Несколько мгновений его глаза метались по тексту.

- Шайка наркоманов? Они главные герои твоей статьи? А где наш драгоценный Виктор Леопольдович? Где он в твоей статье? – Он с укором посмотрел на Лику.

- Напишу... – Лика надула губы. Ей было интересно искать убийцу, а Жорик упорно не хотел ее поддерживать.

- Хорошо, – смирился он. – По твоему расследованию. Основная причина убийства – наркоторговля? А городок перестает быть скучным!

Он опять засмеялся.

- Не знаю. Я была уверена. Так все говорили. Но... – Лика запнулась. Эта версия разваливалась на глазах, а новой не было. – В Интернете я узнала адрес Дома творчества. Он носит название в честь Шадрина. А Шадрин – это главный в этой сфере.

- Главный наркоман?

- Занимается этим. Я думала, Дом творчества – это маскировка. Как логово. Это не подтвердилось. Это реальный Дом творчества, – с грустью отметила Лика. – Он вообще тут не появлялся последние годы.

- Ты пришла и спросила, где тут главный наркодилер? В детском учреждении? – Жорик еле сдерживался от смеха.

- Откуда мне знать специфику данного ... производства? – зло бросила Лика. – Меня все время наталкивают на одни и те же следы.

- И они ложные, – подытожил Жорик.

- А если нужно идти в обратную сторону?

Лику мучили подозрения. Она почти полностью была уверена, что наркоманы здесь ни при чем. Но почему все так активно убеждали ее в обратном? Тамара Петровна, Варвара Архиповна... Кто что скрывал? Кто-то дергал за ниточки и ложь покрывала все и всех.

- Ты должна в сторону написания статьи идти!

- Самый умный? Давай, начинай! Я уже запуталась во всем этом.

- То есть в одной статье ты хочешь написать об убийстве и тут же о Громком? – уточнил Жорик. Он считал, что это не лучший выбор: поместить имя бизнесмена рядом с криминальной сводкой. Можно было заметить условную связь между ними или придумать ее, а дальше добрые люди будут развивать такой сюжет...

- О Громком не хочу, приходится.

- Ладно. Будем писать. Хочешь пощекотать нервы и своему начальнику и его начальнику? – усмехнулся Жорик. – Я только за.

И не то чтобы Жорик не любил Марка, но сама мысль, что он может пошутить, всколыхнуть серьезность, поглумиться, очень нравилась ему. С детства он любил приколы.

- Все. Пишем статью. – Жорик хлопнул рукой по столу. – Хочешь найти убийцу? Нужно сказать, что знаешь, кто убийца! То есть, напугать, спровоцировать виновных. И тогда они объявятся. Поэтому мы возьмем факты, которые стали известны тебе, немного приукрасим, добавим драматизма...

Жорик застучал пальцами по клавиатуре. Он делал это в два раза быстрее, чем Лика, но порой забывался и в творческом порыве использовал нелитературные выражения.

Спустя час Жорик выдохнул. Он безостановочно набирал текст, который Лике предстоит редактировать и исправлять. Но только он мог соединить такие несоединимые вещи как попытку выявить убийцу и хвалебную речь на радость Громкому.

- Когда ты раскроешь это дело, и тебя будут награждать орденом «Почетный житель Витево», позови меня? – он поднял усталые глаза.

- И себе награду хочешь? – Лика стояла рядом и следила за тем, что он печатал, размеренно допивая чай.

- Нет. Просто поржать. – Он засмеялся.

Лица подняла глаза. Он неутомим в своих шутках, юмор нескончаемым потоком заполнял всю его жизнь.

- Так... У нас есть одна ночь и море энтузиазма. Разгадаем все секреты городка!

Глава 10. Статья

Утренний кофе оказался слишком горьким.

Виктор Леопольдович отодвинул чашку так резко, что несколько черных точек застыли на рукаве его мятой рубашки.

«Совсем Леночка рассудка лишилась. Такой горячий».

- И зачем я ей все это показывал? – спросил сам у себя Громкий, окинув взглядом грамоты, картинки, которые с таким трудом искала Леночка.

Элеонора положила руку на его плечо.

- Не нужно, – он отмахнулся.

- Не расстраивайся.

Элеонора отошла от Громкого и уселась на кожаный диван. Она так привыкла к небрежному отношению со стороны Виктора Леопольдовича и все смиренно терпела. Она беспрекословно выполняла его просьбы или скорее приказы. И не потому, что любила его безумно и была готова, как жена декабриста прыгнуть в сани и умчаться за далекие горизонты, она не хотела возвращаться.

Возвращаться в жизнь, где не было лоска и роскоши, платьев и машин, где была нищета. Громкий часто напоминал ей, где он подобрал ее и кем сделал. Вывел в царицы, благословил. Подарил настоящее, которое смогло перечеркнуть жуткое прошлое. Она боялась вернуться туда. Лишь поэтому Элеонора по-собачьи верно смотрела на хозяина, на руку, осыпающую ее бриллиантами.

Элеонора хотела бы выкинуть этот город из своей жизни, для многих его жителей она так и осталась продажной девкой. Хотя уже никто не обсуждал ее, поглядывали косо.

Однажды она заикнулась о возможном переезде, о попытке начать жизнь сначала, но Громкий резко отбросил ее предложение. Гостиница, строительная компания, торговые центры, деньги... Он не хотел все бросать. Он хотел расширять свой бизнес и достигнуть границ крупного города, но не начинать с нуля.

Больше она не затевала этот разговор.

Элеонора задыхалась здесь: среди тесных улиц, среди злых отчужденных взглядов, напоминавших о былом. Большой город, огни, ночная жизнь, яркие вывески манили ее. Но кто она без своего добродетеля?

Элеонора молча допила вино и поставила бокал.

- Нет, – воскликнул Громкий. Он не замечал грусть и смятение на лице любовницы. Он был погружен в свои мысли. – Это всего лишь набросок на их сайте. Печатная версия будет позже. Надеюсь, в ней обо мне будет больше информации.

Элеонора плавно подошла к Громкому и взяла его за руку. Она всегда была успокаивающим и расслабляющим средством. И эту роль с блеском выполняла.

- Статья должна произвести хорошее впечатление. А это лишь черновик. Нечего волноваться. Тебе же Марк обещал, – сладко пропела она, успокаивая бизнесмена. – О тебе узнают. О делах твоих...

- О делах моих лучше чтоб не знали, – засмеялся Громкий. – Шучу. Я хотел попросить тебя... Ты знаешь, у меня очень важные дела. В последнее время я остро нуждаюсь в твоём содействии.

- А я тебе разве не помогаю? – Элеонора резко отстранилась.

- Ты незаменима, Эля. Моя волшебная палочка. Но если я скажу что-то сделать, ты просто сделаешь. Без лишних вопросов и выяснений.

- Я всегда рядом, – она улыбнулась.

Громкий вновь посмотрел на экран.

- А ты читала? – вдруг осекся он. – Ты почитай...

На самом деле ее не беспокоила статья. Она даже обрадовалась, что эта Лика досадила Виктору Леопольдовичу, иначе он бы положил на нее взгляд и завертелось... А так, Громкий не любил тех, кто ему не содействовал.

Элеонора посмотрела в экран планшета.

- Я ее собственными руками удушила бы за эти рассказы...

- Побереги ногти, – мягко сказал Громкий.

Виктор Леопольдович прислушался. Шаги – быстрые, грубые. По лестнице уже спешил Александр Всеславович – начальник службы безопасности, правая рука Громкого. Он себя считал его другом, Виктор Леопольдович считал его охранником, главным охранником.

- Все, иди, ты отвлекаешь... – Элеонора ему наскучила.

- Я буду ждать, – она поцеловала его.

Александр Всеславович ворвался в кабинет. Он паниковал, как всегда...

Внезапно он заметил ее. Элеонору.

С юных лет он был предан Виктору Леопольдовичу, служил ему в любых его ипостасях. Его личная жизнь, собственные интересы были на задворках, брошены на самотек.

Роман Громкого с женщиной неземной красоты чуть было не подорвал непоколебимую волю Александра Всеславовича.

Он долгое время боролся с внутренними желаниями, доказывал свою верность хозяину и смог побороть и победить чувства. Александр Всеславович ограничил общение с ней, с женщиной, которую приравнивал к божеству.

Громкий даже не замечал его мучений, его страданий.

- Вы прекрасно выглядите, Элеонора, – вежливо сказал Александр Всеславович, сгорая от ревности.

Всякий раз, когда она проходила мимо, буря эмоций одолевала Александра Всеславовича. Сердце одинокого волка сжималось.

Элеонора одарила его высокомерным взглядом. Она не обращала внимание на таких мелких фигур. Он для нее не существовал.

Дверь хлопнула, Элеонора ушла.

- Что ты хотел? – Громкий не заметил это секундное замешательство Александра Всеславовича.

- Вы видели статью?

- Конечно!

- Помните, вы говорили, какой вред она может причинить? – иронично спросил Александр Всеславович.

- Какой вред? Обо мне там слов пять! – Это злило Громкого больше всего.

Александр Всеславович сел в кресло и взял бокал с коньяком. В этом кабинете были неограниченные запасы алкоголя, которые никогда не заканчивались. За этим чутко следила Леночка.

- Позвоню Марку и отчитаю его, – пригрозил Громкий. – Не зря же я ему заплатил. Кого он прислал? Чтоб все переделали!

- А о наркоманах, как вам?

- Ну, я к наркоманам никакого отношения не имею. Я за здоровый образ жизни, – Громкий поднял свой бокал, который всегда был под рукой. – Чудесный тост.

- Об убийстве заикнулась, – тихо сказал Александр Всеславович. – Как узнала?

- Весь город об этом говорит. Гудит просто. Вот бабка и нашептала в очереди за мандаринами, – отмахнулся Громкий. –Кстати, о моем торговом центре... Ты послушай, послушай.

Громкий уткнулся взглядом в планшет и зачитал:

- «На фоне творящихся ужасов главное событие в городе – открытие очередного торгового центра, было сорвано. Шквал аплодисментов, традиционная красная лента, музыка, восхищенные толпы остались призрачными символами несостоявшегося торжества».

Александр Всеславович с недоумением посмотрел на начальника, усомнившись, что он в своем уме.

- А о музее? – продолжал Громкий. – Где хоть слово? Я туда экспонаты дорогущие... Разочарование.

- Вы серьезно? – выпалил Александр Всеславович. – Вас волнует отсутствие упоминания музея? Она о нем написала. Вас не волнует, что ваша фамилия и такое громкое убийство в одной статье?

- Что она написала о музее? Я не заметил, – Громкий проигнорировал последний вопрос начальника службы безопасности.

Александр Всеславович достал из кармана два мятых листа. Статью он распечатал, пренебрегая гаджетами.

- «Музей – главная достопримечательность города, созданная с помощью бизнесмена, мецената Громкого В. Л. Но она меркнет по сравнению с масштабом распространенного хулиганства и наркоманией, распластавшейся по закоулкам Витево. Увы, даже музей и спортшкола не могут спасти город от этого», - прочитал он.

- Хоть о музее что-то... Александр Всеславович, а что тебя так волнует? – Громкий осекся. Начальник службы безопасности всегда паниковал. Но сейчас что он натворил? Громкий стал догадываться...

Александр Всеславович притворился, что не понял вопроса. Его терзания стали понятны им обоим. Громкий посмотрел в его глаза и помрачнел.

- Ты хоть говори, с кем расправляешься. Посадят, и знать не буду...

Он засмеялся без особой радости.

- Я как лучше хотел.

- Я дал возможность тебе самостоятельно принимать решения для того, чтобы наши проблемы исчезали, а не становились больше.

Александр Всеславович опустил виноватый взгляд. Несколько минут кабинет Громкого захватило молчание.

- Может нам ее заткнуть? – оживился Александр Всеславович. – А то вдруг...

- Да. Теперь конечно, – Громкий постучал пальцами по столу, раздумывая. – Если ниточку потянуть...

- Я все решу!

- Но не радикальными методами, – предупредил хозяин.

- Точно? – Александр Всеславович нахмурился.

- Точно, – Громкий поднял глаза и строго посмотрел на Александра Всеславовича. – Денег предложи. Поищи на нее что-то. Шантажируй. Действуй. Иначе вместо роста карьеры, отправимся в путешествие. В сторону холодного севера.

Алексей крепко спал на кушетке, поверх него лежало бордовое шерстяное одеяло с черными линиями и ромбами. Впервые с той ночи его сны были спокойными и мирными, без кошмаров, без обрывков воспоминаний, криков, преследований. Он с той самой поры боялся этих ночей и этих снов. Но сегодня был иной случай.

Несмелые лучи ноябрьского солнца прокрасились сквозь пыльное стекло и отразились на серо-зеленых стенах. Впервые в этом ноябре. Вплоть до вчерашнего дня утро встречало горожан серыми, хмурыми красками с нагнетающими скуку тучами, которые обязательно лопались и рассыпались миллионами прозрачных капель днем или к вечеру. Но сегодня ярко светило солнце. Неужели действительно улыбка осени?

Солнечные лучи, прорвавшись сквозь плотину серости и дождей, бегали по стенам, по железной кушетке, по деревянному столу с выцветшими чашками и таким же чайником. Сотни пылинок танцевали в этом мягком солнечном свете. Ликовали давно забытые, но продолжающие борьбу за жизнь, цветы в единственном горшке в самом отдаленном углу комнаты.

Эту сонную и нежную идиллию прервал громкий хлопок: Арсений резко и беспощадно отворил дверь, от чего она сильно зашаталась, и влетел как вихрь в комнату.

Это была одна из одинаковых серо-зеленых комнат заброшенного строения – бывшего детского дома, которая переходила в другую еще более маленькую комнату. Ей никто не пользовался, она была заперта.

Уже много лет этот детский дом стоял пустым, он был признан опасным для жизни детей и подлежал ремонту. Где-то в глубине растительной чащи, за возведенным забором в виде живых деревьев, он был незаметным и идеальным домом для тех, кто хотел скрыться. Полуразваленные лестницы, покосившиеся перила, пустые комнаты, треснутые стекла. Но в этом доме еще витал странный отзвук прошлого: забытый плюшевый медведь, кукла уже давно вышедшая из моды... Остатки прошлого: боль и память всегда едины.

Несмотря на заброшенность и отчужденность, электричество по-прежнему бежало по проводам, а вода исправно шла, и это делало дом пригодным для обитания. Но чуда в этом не было, скорее удачное сотрудничество.

Арсений сел на стул, обшарил карман и выудил из него сигарету. Едкий дым поплыл по комнате, очарованной утренним солнцем.

Алексей закашлялся из-за дыма и сел, закутавшись в свое одеяло с головой.

- Ты не бросил?

Алексей был удивлен происходящим. Очень редко когда его друг выходил из себя и показывал это. Обычно он боролся с собой самостоятельно, и все эмоции всегда были за семью замками, а на лице – доброжелательность и спокойствие.

Арсений бросил свой телефон слишком резко. Тот шумно опустился на стол, поднимая слой вековой пыли.

- Прочитай. – Он был краток как никогда.

Телефон «ожил». На белом фоне мелкий черный текст и больше ничего. Минимализм.

- Что это? – Алексею меньше всего хотелось что-то читать, вникать во что-то. Утро было добрым (пока Арсений не ворвался, конечно) и светлым и хотелось, чтобы оно таким осталось.

- Статья. – Арсений затянул сигарету и выпустил клубы дыма. – Написала журналистка. Может, ты слышал? О ней все говорили. Из какого-то пафосного издания. Приехала брать интервью у Громкого. И вот результат...

- Громкий пусть и беспокоится...

- Ты читай! – настоял Арсений.

Алексей уставился в экран. Текст был длинным с красивыми эпитетами, сложными речевыми оборотами и каждая запятая казалась на своем месте.

«Вот, зануда», – подумал Алексей и углубился в статью. Он читал и чем дальше, тем больше нарастала в нем волна гнева и ярости, злости и ... отчаяния. Статья воплощала его кошмары, возвращала в жуткую действительность и при этом была абсолютно лжива, а ее автор просто противен и лицемерен.

- Я ей голову снесу, – сказал серьезно Алексей. И ведь мог. И может.

- Да, – Арсений вздохнул. – Нужно что-то делать. Но что? Я в растерянности... Зачем ей это?

Алексей еще раз пробежался глазами по тексту.

- Можешь вслух, – посоветовал Арсений. Он мял в руках пачку сигарет, превращая ее в комок.

Алексей послушался и язвительно зачитал, яд отчетливо слышался в его нотах.

- «Резонансное происшествие... Страх захватывает улицы города... Опасная дружба породила страшные последствия... Возможно, не обошлось без участия людей, злоупотребляющих наркотическими веществами...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.